

Ваше благородие

Автор:

Олег Северюхин

Ваше благородие

Олег Северюхин

Фантастический боевик. Новая эра

Старший лейтенант пограничных войск Туманов из лета 1985 года попадает в суровую зиму 1907 года в захолустный сибирский городок. Обдумав своё положение, он понял, что правду о себе никому рассказывать нельзя, никто не поверит, и, скорее всего, остаток жизни пройдёт в палате сумасшедшего дома. Единственный выход – сослаться на потерю памяти, а дальше... Ведь все умения, навыки и привычки – при нём, а это такой козырь! Обладая природной смекалкой и используя свои знания, Туманов легализуется в условиях царской России и поступает на военную службу, где делает головокружительную карьеру. Невероятное происшествие сталкивает его сначала с монахом Григорием Распутиным, а противодействие с социал-демократами – с премьер-министром Петром Столыпиным. Все это наводит Туманова на мысль, что он может попытаться изменить историю.

Содержит нецензурную брань.

Олег Северюхин

Ваше благородие

© Олег Северюхин, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1

В году одна тысяча девятьсот шестидесятом от Рождества Христова семидесяти восьми лет от роду преставился раб Божий, постоянный и почетный член Государственного совета, его высокоблагородие, полковник армейской пехоты в отставке, флигель-адъютант Свиты Его Императорского Величества и мой многолетний начальник и наставник Туманов Олег Васильевич. Человек незаурядного ума и энциклопедических знаний, он был в гуще всех событий и генерировал многие идеи научно-технического развития России и выбора ею политического пути. И что интересно, если спросить любого человека, кто такой полковник Туманов, тот удивленно пожмет плечами и скажет, да мало ли сколько сейчас полковников. Как в Корее, куда ни кинь палку, обязательно попадешь то в одного, а то и в двух Кимов сразу, потому что в России сейчас полковников столько же, сколько Кимов в Корее.

Что-то писать о своем начальнике я не собирался. Кто я такой? Терентьев Христофор Иванович. Обыкновенный канцелярский служащий. Дослужился до старшего писаря, носил погоны с тремя белыми лычками и думал, чем я буду заниматься, когда закончится срок моей срочной службы. Нет, так не по-канцелярски: срок срочной службы. Лучше: когда закончится срочная служба. Почерк у меня был хороший, писал без ошибок, был расторопным, норов свой не казал, чтобы начальство не сердить, а корешам своим спуску не давал, чтобы не заклевали. И тут появился он. Молодой штабс-капитан из далекого сибирского города, где он поручиком командовал ротой в губернском казачьем кадетском училище. А с ним пришли и легенды, что он за два дня дослужился от вольноопределяющегося до прапорщика. Что он терял память, а потом все вспомнил, и что он лично известен императорской фамилии, и что он не зря переведен из провинции в столицу. Вот тут я и подумал, что за этого человека нужно держаться двумя руками. Все, что от меня требовалось, это быстро выполнять все поручения и держать язык за зубами. Что я и делал. Перед самой войной я был полковым писарем, это как бы фельдфебель у строевых, затем подпрапорщиком, после войны стал зауряд-прапорщиком, так как был назначен начальником канцелярии на офицерской должности у полковника Туманова, а в отставку вышел уже поручиком с военным пенсионом и правом ношения мундира.

Пришла ко мне вдова усопшего Марфа Никаноровна Туманова-Веселова и передала записки моего бывшего начальника с просьбой разобраться в них и написать при возможности мемуарную книгу так, чтобы люди, знавшие полковника Туманова, вспомнили его, не забывали и рассказывали своим детям об этом замечательном человеке.

– Очень он вас уважал, Христофор Иванович, – сказала Марфа Никаноровна, – да и вы для нас давно стали своим человеком. Есть у меня еще одна мысль, боюсь ее кому-то высказать, кроме вас, но только вы не подумайте чего-то плохого и, если посчитаете ее безумной, то так и скажите.

Марфа Никаноровна была старше моего начальника, но женщины у нас в стране живут намного дольше мужчин, и женщина она умная, образованная, дипломированный врач, людям органы пересаживает, мертвых оживляет, но видно, что боится тех мыслей, какие ее одолевают. Мне тоже не с руки у нее их выпытывать. Пусть сама решится.

– Сдается мне, Христофор Иванович, – сказала она, – что нет в гробу супруга моего. Все видели, как его хоронили, но вот чувствую я, что нет его в домовине.

– Да где же он может быть? – изумился я. – Не Господь же Бог призвал его к себе в царствие небесное. Душа-то его давно уже там, а тело брренное в раю совсем не нужно.

– Откуда вы это знаете, Христофор Иванович? – засомневалась Марфа Никаноровна. – Я давно попам нашим не верю. Если бы не они, мы давно бы вперед шагали семимильными шагами и могли выяснить действительное наличие преисподней и царствия небесного.

– Окститесь, Марфа Никаноровна, – остановил я женщину, – это уже похоже на богохульство, а вот на каком основании мы можем проводить эксгумацию супруга вашего покойного, я даже в голову взять не могу.

– А вы почитайте записки супруга моего, тогда и у вас могут закрасться мысли о том, что нужно обязательно удостовериться в том, на месте ли его тело, – сказала Марфа Никаноровна. – Он писал их в году одна тысяча девятьсот пятьдесят девятом, как будто знал, что уже нужно подводить итоги. Я там к каждой части свои пояснения сделала и знаю, что он человек не нашего времени

и мог вернуться к себе, в свое время. Вы, человек в разных канцелярских премудростях искушенный, возможно, что-то и придумаете, а кроме как к вам, мне и обратиться с такой просьбой не к кому. Никто же не поверит. Хорошо, если только пальцем у виска покрутят.

Я взял рукопись и заверил женщину, что мы что-нибудь придумаем. В душе я верил ей, потому что начальник мой был человеком особенным. Взять хотя бы тот случай, когда по его просьбе тульские умельцы смастерили патронную ленту для его револьвера. Он сам нарисовал чертеж и разработал проволоочное скрепление патронных звеньев. Зато потом на офицерских соревнованиях он поразил всех, двадцать раз выстрелив из нагана без перезарядки. И он же свое изобретение забросил, как неперспективное. Вдаль человек глядел, а из игрушек всяких потом получают очень даже дельные вещи.

Надо сказать, что мне тоже нужно свои записки о моей работе посмотреть. Когда меня назначили в качестве секретаря к штабс-капитану Туманову, то вызвали меня в секретариат Главного штаба, а там в небольшой комнатке меня ожидал начальник жандармского управления по Главному штабу полковник Петровас Сергей Васильевич. Пригласил присесть, налил стакан чая с сушками и давай ворковать, что я чуть ли не самый лучший унтер-офицер, которому доверили важную задачу по охране и сохранению секретов, известных моему новому начальнику, и что я должен помочь жандармскому управлению в вопросах безопасности и борьбы с врагами, которые собираются украсть наши секреты.

Что тут сказать полковнику? Не будет же старший унтер-офицер, старший писарь говорить, что типа я не стукач и стучать на своего начальника не собираюсь. Тут моя карьера и была бы спета, уехал бы рядовым куда-нибудь в Туруханский край охранять штабеля дров.

– Так точно, – говорю полковнику, вскочив со стула.

– Да ты сиди, братец, – ласково так говорит он, – настояться еще успеешь. Тут только закавыка такая: мы не можем подойти к его благородию господину Туманову и сказать, что у вас не все в порядке. Нам нужно какое-то основание, а вот этим основанием будет твой сигнал.

– Понял, – сказал я, – а этот сигнал как, свистком или маханием руки подавать?

– Экий какой ты бестолковый, братец, – терпеливо сказал полковник, – сигнал – это записка, написанная тобой, в которой ты подробненько все и опишешь. А я тебе списочек вопросов дам, которые нас интересуют.

– Да как же так? – возмутился я. – Я все напишу, а канцелярские все прочитают, и пойдет обо мне слава, что я на своего начальника доношу. Нет, я так не согласен. Вы вопрос задавайте, я вам все расскажу, а писать ничего не буду. Любой мою бумагу возьмет и скажет, вот он какой старший писарь Терентьев Христофор Иванович.

Я давно понял, к чему клонит полковник, и просто издевался над ним, изображая из себя наивного простака.

– Да ты не бойся, братец, – уговаривал меня полковник, – никто твою фамилию и имя не узнает, так как ты напишешь другую фамилию.

– Какую другую? – деланно изумился я.

– Какую себе придумашь, – сказал полковник. – Вот тебе бумага, бери ручку и пиши. Подписка. Я такой-то и такой даю настоящую подписку жандармскому управлению Главного штаба в том, что буду добросовестно сотрудничать в охране государственных и военных секретов. В целях конспирации все свои донесения буду подписывать псевдонимом... А вот сейчас выбирай себе фамилию, – сказал полковник Петровас.

– Любую? – переспросил я.

– Любую, – подтвердил полковник.

– Халтурин, – сказал я.

– Нет, давай другую, – сказал Петровас.

– Чего так? – не понял я.

– Не надо выбирать фамилии террористов, – сказал он.

– Ну, тогда Колумб, – сказал я.

– А это еще что за хрень? – начал свирепеть полковник.

– Ну, я Христофор, а фамилию, значит, придумал Колумб, тот, который Америку открыл, – сказал я.

– Ну, вот что, грамотей, пиши фамилию Разин, раз тебя все на разбойников да на иностранцев тянет, – сказал жандарм.

Я написал и расписался. Полковник расписочку так аккуратно промокнул мягкой бумагой и в папочку положил.

– Запомни, с этого дня ты Разин и не вздумай никому говорить об этом, а то за разглашение государственных секретов ответственность имеется вплоть до каторжных работ.

В течение последующих трех месяцев я трижды встречался с полковником Петровасом и докладывал ему, кто приходил к штабс-капитану Туманову и какие чертежи приносили ему на рассмотрение. Эка невидаль, в канцелярии все это занесено в журналы учета документов, а список посетителей ведется в книге учета. Возьми эти журналы и делай выписки, если так тебе это нужно.

– Это все хорошо, – говорил мне полковник, – но мне нужно знать, какие они речи ведут, как ругают правительство и государя нашего императора с его супругой. Вот что самое главное.

– Понял, – сказал я, – значит, военную тайну мы будем пускать побоку?

– Как это побоку? – встрепенулся полковник. – Давай выкладывай, что там есть по военной тайне.

– Так что, ваше высокоблагородие, – доложил я, – почти все изобретатели оружия и техники не держат язык за зубами и везде хвалятся своими разработками, о чем пишут даже в газетах. А враг не дремлет, – и я многозначительно поднял вверх указательный палец. – Фамилий я не знаю, но слышал, что один изобретатель танка пытается пробиться к его императорскому

величеству, а танк-то совершенно негодный. Вот бы его врагу и подсунуть. Пусть они возьмется с этими железяками.

– Молодец, Терентьев, – похвалил меня полковник, – давай, бди, наше дело правое и мы победим.

– Рад стараться, ваше высокоблагородие, – отрапортовал я, повернулся и вышел из потайной комнатки в секретариате Главного штаба.

Если бы еще полковник знал, что обо всем я докладывал с санкции его благородия штабс-капитана Туманова. Анализируя действия своего непосредственного начальника, я, безусловно, прихожу к выводу о том, что он был не меньшим специалистом в работе, которой заведовал жандармский полковник Петровас. Но об этом я расскажу попозже, по мере ознакомления с бумагами усопшего и расшифровки моих давних записей.

Еще я размышлял, как будут выглядеть пометки Марфы Никаноровны и мои записи в памятных записках его благородия, и пришел к выводу, что они нужны для того, чтобы показать, что он был не один, что вокруг были близкие ему люди и они видели все происходящее немного с другого ракурса, чем наш друг. С другой стороны, я в этом вопросе не первый. Всем памятен нашумевший роман Ричарда Олдингтона «Смерть героя», где повествование главного героя переплетается с описаниями автора, и уже непонятно, кто из них есть кто. Я думаю, что наш читатель тоже разберется в этих вопросах и, если понравится, будет читать мои записи и пометки Марфы Никаноровны. Если они ему не понравятся, то он может их пропустить и ничего не потеряет в дальнейшем прочтении записок его благородия.

Глава 2

– Товарищ курсант, ко мне!

Требовательный командный голос остановил меня в полушаге от здания железнодорожного вокзала в городе Свердловске, бывшем в свое время Екатеринбург. За моей спиной стоял пехотный капитан с двумя патрульными

солдатами.

Четко развернулся кругом, четко подошел, четко доложил о прибытии. Подал для проверки военный билет и отпускное удостоверение.

– Так-так, – приговаривал капитан, просматривая мои документы и особенно отпускное удостоверение со штампом Комитета государственной безопасности. – Почему нарушаете форму одежды? – грозно спросил он.

– Извините, товарищ капитан, – сказал я, – но у меня нет нарушений формы одежды, иначе меня бы не отпустили из училища в каникулярный отпуск.

– Как это нет нарушений формы одежды? – чуть не подпрыгнул капитан. – Почему у вас трехцветные погоны, так как курсантские погоны по всем наставлениям изготавливаются из солдатских погон путем нашивания на них ефрейторского галуна без всяких там малиновых кантов. Где вы взяли неуставной мундир? Всем военнослужащим срочной службы положены полушерстяные мундиры из диагонали, а не мундиры из чистой шерсти.

Похоже, что капитан был из тыловиков и разбирался в качестве мундирного сукна.

– Извините, товарищ капитан, – сказал я, – у нас все училище носит такую форму одежды, так как она была утверждена лично наркомом внутренних дел Берией Лаврентием Павловичем, который лично следил за формой одежды подведомственных ему пограничников. Можете посмотреть на мои погоны, они фабричного изготовления и цвет канта аналогичен цвету канта на моей фуражке.

Крыть капитану было нечем. Уставы у нас общие, а вот все остальные ведомственные документы особые. Так и хотелось сказать ему, что пограничные войска – это щит нашей родины, а все остальные войска – это шурупы в этом щите, но зачем дразнить гусей. В училище это у нас не культивировалось и пришло вместе с армейскими абитуриентами.

Повертев мои документы, капитан с сожалением вернул их мне, а так хотелось поставить на место этого курсанта в зеленой фуражке, да только ошибись он чуть-чуть, так его могли повести на правеж в госбезопасность, благо не так

давно люди пропадали без вести в этих органах.

Взяв билет на поезд в воинской кассе, я пошел пообедать в вокзальный ресторан с огромной дверью высотой метра три, не меньше, но открывавшейся довольно легко.

Сделав заказ на обед в виде борща, отбивной котлеты и стакана чая, я закурил и осмотрелся вокруг. Волноваться мне было нечего. В то время в конце семидесятых годов курсантам военных училищ еще дозволялось посещать рестораны в военной форме. Мой огляд привел к тому, что на ум непроизвольно пришли известные строчки: «В ресторане по стенкам висят тут и там “Три медведя”, “Заколотый витязь”, за столом одиноко сидел капитан...»

Но тут открылась ресторанный дверь и в ресторан заглянула голова капитана из патруля.

– Так быть не может, – запротестовал я. – Капитан не имеет права задерживать меня в ресторане, а песня Высоцкого появилась в шестьдесят шестом году и не была широкоизвестной. А где официантка? Почему она не несет мне заказанный обед.

Я стал озираться и проснулся. Вокруг было что-то чужое, то есть я не дома и не в училище.

«Как могло так случиться, что я ничего не помню? – пронеслось в моей голове. – Хотя, почему же я не помню? Я все помню. Я шел по улице 10 лет Октября в направлении центра в районе старых домов в самом радужном настроении. Мне двадцать пять лет. Было лето. Я был в отпуске и ходил на свидание с хорошей девушкой. Был до синевы выбрит и слегка пьян. Пьян был не от спиртного, а от хорошего настроения. Внезапно передо мной возникла темная фигура.

– Мужик, огонька не найдется? – спросил он хриплым голосом.

Я достал коробок и сам зажег спичку».

Вспышка селитры была тем самым последним, что я помнил.

Голова была тяжелой, а руки шевелились. Я поднял левую руку, чтобы посмотреть на часы, но на руке не было часов.

«Похоже, что я нарвался на гопников», – снова пронеслись мысли в моей голове. Именно пронеслись, потому что я не мог сам мыслить.

Когда человек мыслит, он как бы проговаривает все то, о чем думает. А сейчас у меня в голове проносятся мысли, но я ничего не говорю. Я пытался вызвать еще какие-то мысли, но они не приходили, и я незаметно для себя уснул.

– Больной, просыпайтесь! – кто-то властно потряхивал мое плечо. Голос был женский, а не девичий, именно женский, женщины, которая уже узнала, что такое власть над мужчиной.

Я приоткрыл глаза и зажмурился от яркого света семилинейной керосиновой лампы, висевшей на высоте примерно двух с половиной метров от пола. В окне на улице была темнота.

«Чего они по ночам людей будят?» – пронеслась мысль в моей голове.

– Больной, просыпайтесь, сейчас вас будет осматривать доктор, – сказала женщина.

Я открыл глаза и увидел доктора в белом халате. Доктор был какой-то странный, седоватый, с бородкой клинышком, в пенсне, и медицинский халат на нем был какой-то старомодный с воротником-стойкой и, по-видимому, с завязками на спине. И что самое интересное, в левом верхнем кармане халата с красным крестом торчала деревянная слуховая трубка. Ну прямо как в кино про старые времена.

«Конечно, – подумал я, – это не слуховая трубка, а деревянный стетоскоп, изобретенный в 1816 году французским доктором Рене Лаеннеком. Раньше, по методу Гиппократы, врач прикладывал ухо к груди больного человека, чтобы выслушать тоны и биение сердца, но Лаеннек всегда испытывал чувство неудобства, когда ему приходилось прикладывать ухо к груди обнаженной женщины, практически касаясь их губами. И это было бы ничего, но в то время гигиена женщин желала быть лучшей, а у некоторых из них по телу бегали обыкновенные вши. Но откуда я все это знаю, если я никогда не увлекался

историей медицины?»

– Здравствуйте, голубчик, – проговорил доктор, ощупывая мою голову. – Как мы сейчас чувствуем? – И, не дожидаясь ответа, попросил медсестру поднять мою рубашку. Затем он взял слуховую трубку-стетоскоп и стал прослушивать область груди, где находится сердце. – Дышите, не дышите, задержите дыхание. Так, очень хорошо, очень хорошо. Ну что же, голубчик, здоровье в порядке. Мускулатура у вас развитая. Никак занимаетесь по системе господина Мюллера? Ссадина на голове заживет в течение нескольких дней, но вы нас здорово напугали, не приходя в сознание в течение трех дней. Мы уже думали, что не сможем с вами побеседовать. Да, как вас звать-величать? И что это за странная одежда на вас? Вы понимаете, что я говорю? Может, вы иностранец? Шпрехен зи дойч?

Доктор еще что-то говорил, а я действительно не мог вспомнить, кто я такой и как меня зовут. Вот так прямо и не помню. Силился вспомнить, и мозг мой не проговаривал ни мое имя, кто я, кто мои родители, где я жил. Какая-то пустота в голове. Единственное, что мне влетело в голову – это старый постулат моего взводного командира в пограничном училище, то есть курсового офицера.

– Запомни, салага, – сказал он мне, висящему на турнике, – сильному спорт не нужен, слабого он погубит.

И я начал усиленно поднимать патронный ящик весом шестнадцать килограммов, чтобы из бывшего школьника-сосиски быстрее превратиться в накачанного курсанта-молодца.

Надо сказать, что меня удивила форма обращения «голубчик». Так обычно начальники в императорской России обращались к своим подчиненным или к тем, кто стоит в иерархии ниже его, чтобы подчеркнуть свой демократизм и расположение к подчиненному.

– Я ничего не знаю, – сказал я, – точнее, ничего не помню.

– Я так и думал, – воскликнул доктор, как Архимед, у которого из ванны вылилась вода, – это амнезия от удара по голове. – Он вскочил и забегал вокруг койки. – Это амнезия! – и он снова поднял вверх палец, как один очень известный персонаж в кино.

Я прикрыл глаза и увидел доктора в другой ситуации, а его картавый голосок утвердил меня в том, что он как две капли воды похож на Владимира Ильича Ленина, который вышел к собравшимся в актовом зале Смольного и произнес историческую фразу: «Пролетарская революция, о которой постоянно говорили большевики, свершилась!»

«Ур-ра-аа! – мысленно прокричал я про себя. – Мой мыслительный процесс включился и начал проговаривать мои мысли. Я уже что-то помню! И меня зовут, меня зовут... Никак меня не зовут. Что я помню, кроме Ленина? Ничего. Как была настоящая фамилия Ленина? Не помню. А ведь Ленина я вспомнил по ассоциации, и если я буду читать книги, то по ассоциациям восстановлю свою память и вернусь к прежней жизни. И потом, в какую глухомань меня занесло из города-миллионника, если здесь нет электричества в медицинском учреждении. У нас на северах даже в райцентрах есть свои театры, а для выработки электричества почти везде есть дизель-генераторные станции. И, в первую очередь, у медиков. Мало ли какая операция срочно потребуется».

– Какое сегодня число? – спросил я, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Января второго дня одна тысяча девятьсот седьмого года от Рождества Христова, восемь с половиной часов до полудня, – сказал доктор, – а что?

– Как я сюда попал и кто вы? – спросил я, ожидая услышать еще что-то более страшное, чем то, что я нахожусь в новом одна тысяча девятьсот седьмом году второго января и неизвестно где.

Глава 3

– Попали вы сюда, как и все с такими травмами. На руках и попечительством людей богобоязненных и милосердных, которые принесли вас сюда. Я – земский доктор Иванников Иннокентий Петрович, коллежский секретарь. Это – сестра милосердия Веселова Марфа Никаноровна, – сказал доктор. – А сейчас вы расскажете нам, кто вы и что вы делали в легкой одежде на сибирском морозе.

– Мне двадцать пять лет, я в отпуске, ходил на свидание к знакомой девушке. Когда возвращался домой, то ко мне подошел человек и попросил прикурить. Остальное я ничего не помню, – начал рассказывать я.

– А почему на вас была какая-то легкая и странная одежда и полуботинки на очень тонкой подошве? – поинтересовался доктор.

– Никакая не странная одежда, а обыкновенная, в которой ходят практически все, – сказал я и увидел на лицах доктора и сестры выражение некоторого удивления. Это насторожило меня. Если я буду говорить обо всем, что я вспомню, то меня загребут в сумасшедший дом по причине постоянного горячечного бреда, и чем больше я буду доказывать, что я не верблюд, тем сильнее у врачей будет желание подвергнуть меня современным методам лечения шизофрении, которые мало отличаются от пыток инквизиции в средние века. Тогда умственно больных лечили ледяными ваннами и ударами электрического тока. Надо же, я начал вспоминать историю, а это совершенно неплохо. – Ну, не все, конечно, – сказал я и засмеялся. – Просто у меня есть приятель, который разрабатывает перспективные модели одежды, и кое-что у него получается несколько странным, но я у него в качестве манекена и испытателя этой одежды. И знаете, скажу вам по секрету, достаточно удобная одежда, и пригодна как для светских раутов, так и для повседневного ношения. Вот и получилась у меня прогулка в новой одежде. А что, пальто и шапки на мне не было? – задал я вопрос, отклоняющий от дальнейшего обсуждения скользкой темы моей одежды.

– Нет, пальто и шапки на вас не было, – сказал доктор.

– Жаль, – задумчиво сказал я, – а какая была хорошая шапка-москвичка из цигейки и пальто из бобрика с бархатным воротником. И перчаток при мне не было? – задал я последний уклоняющий от темы вопрос.

– И перчаток не было, – подтвердил доктор. – А где вы живете, как вас записать в истории болезни и кому сообщить о вашем нахождении?

– Не помню, – сказал я.

– Ну да, – сказал доктор, – скоро к вам придет представитель полиции и запишет ваши данные, чтобы сделать запрос по поиску ваших родственников и знакомых.

«Полиция, – снова я начал мыслить, – неужели сейчас действительно девятьсот седьмой год, потому что в мое время полиции не было, а была милиция? Полицию уничтожили в тысяча девятьсот семнадцатом году. Вместе с жандармами. Бабы толпами с ухватами и кочергами ходили убивать городских. Зря они это делали, но и городские своими действиями до этого заработали на свой хребет. Потом Гитлер начал рассказывать везде полицаяв, и они сполна получили по своим заслугам перед населением после освобождения. В нашей стране полицаям никогда не бывать, слишком уж ярко их расписала коммунистическая пропаганда. Мы еще с детского садика знали, что полицейский или полицай – это записная сволочь, на которой клейма ставить некуда. Полицай в странах капитализма избивают дубинками своих граждан, борющихся за свои права и достойную жизнь, защищают мафию и капиталистов».

За окном уже заметно посерело, и я на глазок определил, что времени около девяти часов утра. Рано встают люди, а тут приоткрылась дверь и молодой человек просунул в комнату светловолосую голову и спросил:

– К вам можно, Иннокентий Петрович?

– Заходите, заходите, Николай Иванович, – приветливо сказал доктор, – по вам можно часы проверять. Приходите вовремя, как курьерский поезд.

– Ну, вы уж сравните, Иннокентий Петрович, – зарокотал смехом человек в военном мундире с узкими серебряными офицерскими погонами с одним оранжевым просветом и двумя золотыми звездочками вдоль просвета, пожимая руку доктора. – Как чувствует наш таинственный больной? – задал он общий вопрос.

– Идет на поправку, дня через два будет на ногах, если только что-то вспомнит, – сказал доктор. – Амнезия-с, это штука серьезная. Как контузия артиллерийская. К нам привозили увечных воинов с Маньчжурского фронта, у которых память отшибло, но у тех документы при себе были, да и амнезия со временем проходила, когда приезжали родные и восстанавливалась ассоциативная память.

– Ладно, – сказал военный, – начнем процедуру. Сударь, – обратился он ко мне, – я помощник участкового пристава губернский секретарь Иванов-третий. Сейчас

мы с вами заполним запросный лист и, возможно, во время его заполнения вы что-то сможете вспомнить, да и Иннокентий Петрович нам поможет в этом деле.

Он открыл папку, достал два листа бумаги и перьевую ручку. Пузырек с чернилами он достал из кармана. Пузырек с достаточно широким горлом, заткнутый пробкой, которая использовалась в качестве приспособления для чистки перьев. Чернила фиолетовые, самые распространенные во всех канцеляриях, да и я в детстве писал перьевой ручкой в начальной школе. Особенно нас мучило чистописание. Зато потом почерк был понятный и сравнительно красивый. Трудно в ученье, легко в бою, – говорил генерал Суворов. Так, а это откуда? От верблюда. На лозунге было написано: тяжело в ученье, легко в бою. Это был лозунг, написанный белилами на красном полотне справа от экрана в клубе нашего училища. Так я же окончил пограничное училище в Алма-Ате. И когда я получил офицерское звание, мне был неполный двадцать один год. И это было четыре года назад. Но не буду же я об этом говорить, что родился в одна тысяча девятьсот шестидесятом году. В 1977 году поступил в пограничное училище и окончил его через четыре года в 1981 году. Служил на границе в Туркмении, приехал поступать в военную академию и оказался здесь в одна тысяча девятьсот седьмом году среди зимы. Как? Каким образом? Да расскажи я им такое, меня тут же скрутят, наширяют антидепрессантов и галоперидолов и наденут смирительную рубашку. Ну что же, амнезия так амнезия.

Как мне потом рассказывала жена, я очнулся утром на третьи сутки. Она как раз пришла в присутствие, а Иннокентий Петрович дежурил. Я выглядел неплохо, потому что перед этим вечером она меня побрила. Короткая прическа делала мою голову аккуратной, а лицо симпатичным. Она быстро принесла кружку горячего и сладкого чая с небольшим количеством спирта и заставила выпить его небольшими глотками, чтобы желудок быстрее заработал.

Когда помощник участкового пристава заполнял свои бумаги, ей показалось, что я отвечаю осмысленно и обдумываю каждый вопрос, что-то вспоминая или подбирая благоприятный ответ. Бдительность у медиков проснулась в девятьсот пятом году, когда полиция к ним приходила и рассказывала, как нужно выявлять японских агентов, которые распространились по всему Дальнему Востоку и Сибири.

Глава 4

Иванов-третий поставил бутылочку с чернилами на табурет, принесенный Марфой Никаноровной, разложил на коленях папку с вынутыми листами бумаги и задал первый вопрос.

– Ваша фамилия?

– Не помню.

– Имя?

– Не помню.

– Имя вашего отца?

– Не помню.

– В каком году вы родились?

– Не помню.

– В какой губернии, в каком уезде, в каком населенном пункте вы родились?

– Не помню.

– Образование?

– Не знаю, не помню.

– Читать умеете?

– Умею.

– Прочитайте текст, – и он дал мне листок с типографским текстом.

Я начал быстро и бойко читать, несмотря на всякие знаки «ять» и буквы «и» латинского типа с одной или двумя точками сверху, как в украинском языке, где і обозначает «и», а п с двумя точками обозначает «йи».

– Его императорским величеством государем императором был издан Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка»:

«Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав.

Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы, и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий, поставленных от Нас властей».

– Дельно, – сказал Иванов-третий. – У нас и профессора так бойко вряд ли прочитают. – Математику знаете?

– Знаю.

– Арифметику?

– Почему арифметику? – оскорбился я. У нас в училище высшее образование давали на основе математики, которая на границе была абсолютно не нужна. – Знаю алгебру, геометрию, тригонометрию, математический анализ.

– Что за математический анализ? – удивленно поднял брови Иванов-третий. Да и Иннокентий Петрович стоял и слушал с открытым ртом.

– Ну, это исследование уравнений и тригонометрических функций, построение графиков, дифференцирование уравнений.

– Вы учились в университете?

– Не помню.

– Какие знаете иностранные языки?

– Немецкий.

– Скажите что-нибудь по-немецки, – предложил мне помощник участкового пристава.

– Drahtz?une sollen gef?hrliche Bereiche abdecken und das Vordringen des Feindes behindern.

– А что это такое? – спросил Иванов-третий. – Чувствую что-то военное, а вот точно перевести не могу.

Я перевел:

– Проволочные заграждения предназначены для прикрытия опасных направлений и затруднения продвижения противника.

– Откуда вы это знаете?

– Не знаю.

– Еще языки знаете?

– На начальном уровне фарси. Умею писать, читать, немного говорю и перевожу со словарем.

– Ну-ка, скажите что-нибудь на фарси, голубчик, – заинтересовался Иннокентий Петрович.

Я не стал стесняться и сказал:

– Рафиг данэшьяр, горухе забоне фарси баройе дарсе шома хазер аст.

– А это что? – чуть ли не хором спросили все трое.

– Это приветствие учителя перед началом урока. Давайте я вам это запишу на бумаге.

Я взял перо. Руки у меня не дрожали, и я достаточно красиво стал выводить арабские буквы справа налево: эр, алиф, эф, и, гэ, пробел, дэ, эн, ша, и, эр... И так далее.

– Я же говорила, что он из благородного сословия, – воскликнула Марфа Никаноровна. – Вы посмотрите на его руки. Руки нежные, сильные и мозоли только на подушечках, как у людей, которые занимаются гимнастикой. Или у военных.

– Так, запишем, – сказал Иванов-третий, – похоже, и память к вам возвращается. Рост у вас какой?

– Сто семьдесят пять сантиметров.

– Так, это получается два аршина, семь целых и две пятых вершка, – подсчитал полицейский. Намного же проще считать в сантиметрах, чем в вершках, аршинах, пядях, саженьях и локтях.

Затем у меня описали тип лица, прическу, разрез глаз, расстояние между зрачками шестьдесят четыре миллиметра, размер и форму ушей, округлость лица, крепкое телосложение.

В графе образование – предположительно высшее. Сословие – предположительно благородное.

Снова спросили про имя и фамилию. Убей бог – не помню. Вероисповедание – не помню.

– Знаете ли молитвы?

– Вроде бы знаю.

– Прочитайте.

– Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого.

– Это в столицах так читают, – сказал Иннокентий Петрович, – выходит, что исповедания православного. А по медицине что-нибудь знаете?

– А что например? – спросил я.

– А вот как простуду быстро вылечить? – спросил доктор.

– Насколько мне известно, – сказал я, – простуду лечить не надо. Замерзшего человека нужно согреть, напоить горячим чаем с липовым цветом и с малиновым вареньем и дать ему хорошенько отдохнуть. Если во время сна он вспотеет, то это будет очень хорошо. Лечить нужно последствия простуды, такие как воспаления верхних дыхательных путей, его еще называют катаром, бронхит и ангину. И вообще, простуду лечат семь дней. Если ее не лечить, то за неделю она сама проходит.

Последняя сентенция как-то озадачила доктора, и он задумался над шутейным постулатом.

– Вы случайно не врач? – заинтересованно спросил меня Иннокентий Петрович. – Откуда вы все это знаете? И почему человека нужно поить с малиновым вареньем, а не с медом?

– Можно и с медом, – согласился я, – но в горячем чае мед теряет большинство своих лечебных свойств, а в малиновом варенье очень много салицилатов – составной части ацетилсалициловой кислоты или аспирина, который является болеутоляющим, жаропонижающим и противовоспалительным средством.

– Аспирин – это новый препарат, заграничный, и у нас его не так много, в основном в порошках, но из столицы привозят и в таблетках, – сказал доктор, – и он еще малоизученный.

– Мне кажется, что это лекарство очень перспективное, и оно будет применяться при лечении многих болезней, – сказал я. – Некоторые врачи используют отвар коры белой ивы, в которой много салицилатов, но при приеме отвара возникают боли в животе и начинается рвота. Аспирин нужно всегда иметь при себе на случай сердечного приступа. Он разжижает кровь и улучшает кровообращение, обеспечивая доступ кислорода к сердечной мышце – миокарду.

– А может, вы закончили медицинский университет? – с надеждой спросил Иннокентий Петрович, но я отрицательно покачал головой.

Глава 5

К десяти часам до полудня мы закончили все формальности, и Иванов-третий, собрав все бумаги и спрятав в карман бутылочку-чернильницу, ушел в свое присутствие.

Оказалось, что моя кровать стояла в просторном кабинете Иннокентия Петровича, который одновременно был и смотровой комнатой, где велся ежедневный прием. А я все думал, что я единственный больной в этой земской больничке.

Марфа Никаноровна принесла китайский столик на ножках и поставила его на кровать прямо передо мной. Это был поздний завтрак человека, который не ел три дня. Кружка с горячим куриным бульоном, белая булка и темный чай в фарфоровой кружке.

– Только не кушайте быстро, а тщательно прожевывайте, чтобы не было болей в кишечнике, – предупредила меня сестра милосердия.

Как я ни старался кушать медленно и прожевывать пищу, но все принесенное я съел в мгновение ока, как собака, и запил все ароматным и сладким чаем.

Еда меня разморила, и я заснул.

Мне снились военные сны. Я даже обрадовался этому, потому что во сне я могу узнать, как меня зовут, откуда и кто я. Безвестность – это очень плохое состояние. Но все курсанты и командиры обращались друг к другу только по воинским званиям, точно так же обращались ко мне. И тут я увидел командира нашего дивизиона по кличке Швабер. Боевой сержант-артиллерист, дошедший со своей пушчонкой до Берлина, ставший офицером после войны и дослужившийся до полковника уже в наше время. Однажды, когда мы ждали высокую комиссию, он схватил швабру дневального и вымыл то место, которое ему показалось недостаточно вымытым. С тех пор кличка Швабер к нему прилепилась намертво. Впрочем, офицер должен уметь делать все и даже показать солдату, как нужно мыть пол, а после этого снимать с солдата семь шкур за плохо вымытое помещение. Курсантская форма почти такая же, как и солдатская, разве что пуговицы блестящие и сапоги хромовые, да ткань на мундире повыше качеством, но четыре года солдатской жизни делали офицера знатоком воинской жизни и его требовательность поддерживала боеспособность армии.

И вот смотрю я, идет ко мне командир дивизиона. Встал я небрежно, чтобы получить замечание за отсутствие строевого вида, а он как рявкнет мне:

– Товарищ курсант! Вы как стоите перед полковником!

И фамилию мою не назвал.

Подходил я к своим друзьям, которые занимались на спортивной площадке, и никто не называл меня по имени или по фамилии. Сговорились, что ли? Да и я не помнил их фамилий и имен, даже фамилии Швабера не помнил, а должен был.

Проснулся я часов около пяти после полудня, как раз за окном сереть стало. Зимний день короток, а спать после обеда нужно не долго, час-полтора, чтобы не потерять послеобеденную работоспособность. Но вставать надо всегда ранее пяти часов, потому что это время начала заката солнца и после этого времени наступает состояние похмелья ото сна. А у меня был осознанный сон, а не состояние в состоянии полного беспамятства. Главное, что я начал мыслить.

Спиной ко мне сидел Иннокентий Петрович и что-то писал. На столе около него стояла керосиновая лампа.

– Чего электричество в больницу не проведете, Иннокентий Петрович? – спросил я его.

Доктор от неожиданности вздрогнул и повернулся ко мне.

– Вы понимаете, – сказал он с видом специалиста, – электричество не продается бидонами, как керосин для ламп. Его в лампу не зальешь и спичкой или лучиной не зажжешь. Сначала нужно построить электростанцию водяного типа на реке или парового типа со сжиганием дров либо каменного угля, чтобы привести в действие паровую машину, которая будет раскручивать динамо, вырабатывающее электрический ток. А как доставить этот ток до больницы? Для этого нужно через каждые пятьдесят саженей поставить деревянные столбы, на столбы навесить на фарфоровых изоляторах медные провода, в больнице провести проводку с электрическими лампочками господина Сименса и только тогда в больнице будет электрическое освещение. А знаете, сколько это стоит? Баснословные деньги.

– А мне кажется, что в электричестве наше будущее, – сказал я. – Все дома будут освещены. Поезда будут ходить на электрической тяге. По городам будут ходить электрические конки и электрические машины, перевозящие людей из одного места в другое...

– Ну, вы и фантазер, батенька, – засмеялся доктор. – Хотя лет через сто, возможно, такое и будет. Только, как сказал один поэт: «Жаль только, жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе».

– Это сказал поэт Николай Некрасов по поводу строительства Транссибирской магистрали, – сказал я.

– Э-э, батенька, да вы нигилист, – сказал Иннокентий Петрович. – Это стихотворение малоизвестно, а вот как оно стало известно вам, потерявшему начисто память, это очень даже странно.

– Ничего странного, – сказал я, – травмы в области головы и головного мозга пробуждают те способности человека, о которых он не мечтал и которые не

были открыты ему при рождении. Так что, даже я не удивлюсь, если буду открывать в себе все более новые качества. Сейчас меня интересуют более прозаические вопросы. И первый, самый главный – как мне быть дальше? По себе чувствую, что уже сегодня готов идти куда угодно. А вот куда? Где жить? Во что одеваться? Где взять на это средства? Чем заниматься? Как подтвердить то, что я умею делать? Как влиться в общество? Видите, миллион вопросов и ни одного ответа. У меня здесь нет ни одного знакомого человека, и я не знаю ничего. Новорожденному младенцу намного лучше, чем мне. А что если полиция не найдет моих родственников или знакомых? У меня даже документов нет, и я не знаю, кто я такой.

В это время в кабинет вошла Марфа Никаноровна с подносом, на котором был накрыт чай на полдник.

– Вы извините, Иннокентий Петрович, – сказала она, – я нечаянно услышала концовку вашего разговора и хочу сказать, что я живу одна в небольшом доме, и могла бы предложить нашему больному снимать комнату в моем доме. С оплатой после того, как он найдет для себя занятие со средствами для проживания.

– Очень хорошее предложение, Марфа Никаноровна, – сказал доктор, – а я со своей стороны буду помогать в административных вопросах и по мере возможности окажу материальную поддержку.

Я был так растроган, что даже не мог сказать чего-то. Просто приложил левую руку к сердцу и склонил голову в знак признательности.

Моя благодарность была понята и принята, и мы чувствовали себя сообщниками в одном деле.

– Кстати, Иннокентий Петрович, – сказал я, – аспирин эффективен для лечения мигрени, но при болезнях желудка может вызывать воспаление и кровотечение. Аспирин разжижает кровь и помогает при атеросклерозе и тромбозе. Помогает и при подагре. Исследования еще ведутся, но как говорится, доктора знают все, чтобы не навредить больному.

– Откуда вы все это знаете? – спросил доктор.

– Не знаю, – сказал я.

Лучше прикрываться отсутствием памяти, чем давать пророчества на будущее.

Перед выпиской я обошел земскую больницу, удивился ее простоте и содержанию в чистом состоянии. Больные в основном из простого народа, а в приемном отделении всегда толпа больных, идущих с утра и до позднего вечера, и я представляю ту нагрузку, которая была у земских врачей. Часто бывает, что вовремя оказанная небольшая медицинская помощь предотвращает очень сложные заболевания в будущем.

– Когда ты писал эту книгу, – рассказывала мне потом жена моя Марфа Никаноровна, – я старалась тебе не мешать и не выпрашивать, что это ты так увлеченно пишешь. Если что нужно, то сам скажешь, а женское любопытство наоборот вызовет скрытность, да и просто помешает свободному изложению происходящих событий. Так что, я дождусь своего времени, когда ты предложишь прочитывать свою книгу и даже прокомментировать все написанное.

Суженого моего принесли в тулупе мужики, которые нашли его лежащим на улице. Русский народ добросердечный, может и на улицу выгнать, а может и погибающего спасти.

Посмотрели мы с Иннокентием Петровичем, а он и вовсе не живой. Замерз. Весь синий, скрючился. Мужики развели руками и ушли. И за то им спасибо.

Я достала из кармана дамское круглое зеркальце и приложила его к носу. И вдруг на зеркале обнаружилась маленькая испарина. Живой! Тут и Иннокентий Петрович через трубку стал его слушать.

– Срочно раздеваем его и будем растирать спиртом, – приказал он.

Я стала его раздевать, а у него руки не разгибаются. Я сняла галстук, расстегнула рубашку и стала натирать грудь спиртом. Иннокентий Петрович взял столовую ложку, разжал ему зубы и влил в рот немного спирта. И тут я почувствовала дыхание. Я сбегала к вешалке и принесла мои шерстяные рукавички, которыми стала растирать тело, чтобы не повредить кожу. Моя

бабушка всегда растирала шерстью мои руки, когда я сильно мерзла. Еще она заставляла гладить свои волосы, чтобы замерзшие руки быстрее согрелись.

Потихоньку мы сняли с него рубашку, полуботинки, носки, брюки, и он остался в таких коротеньких трусиках, которые он потом называл плавками и в которых потом плавал в реке.

Напоить бы его горячим чаем, да он все время находился в бессознательном состоянии.

В общине сестер милосердия при Российском обществе Красного Креста нам рассказывали, что в стародавние времена пораненного или замерзшего воина сначала вели в баню, а потом в постель к нему клали ладную девку, которая своим телом согревала его и тем самым лечила. И человек, жизнь которого висела на волоске, быстро выздоравливал, а его физическое состояние определялось по силе эрекции. Я бы тоже легла с ним и вылечила своим телом, если бы вокруг никого не было. На дворе двадцатый век, мы люди современные, но меня бы никто не понял, а только осудил. Поэтому мы его завернули в теплые одеяла и оставили в кабинете Иннокентия Петровича, не перенося в общую палату. Я осталась дежурить с ним, чтобы помочь в случае чего...

Как говорила мне потом Марфа Никаноровна, она кормила меня и напряженно думала, что сегодня-завтра меня выпишут – и куда я пойду? Без памяти, без одежды, без дома, без документов, без денег. За эти несколько дней она так привыкла ко мне, что уже называла меня своим, и где она сможет найти такого другого человека, которого как будто знает целую вечность и может потерять навсегда, если не сделает что-то решительное. Почему она так решила? Она видела, как я спокойно обращаюсь с медицинскими терминами, названиями лекарств и методикой лечения. А когда Иннокентий Петрович с видом знатока рассказывал мне, как производится электрификация, то видела мою снисходительную улыбку как человека, который прекрасно понимает в электричестве и может прочитать лекцию по этому вопросу. Поэтому она и предложила свою помощь в устройстве меня на жительство у себя дома и была благодарна Иннокентию Петровичу за его участие. Она прекрасно понимала, что скажут соседи по поводу нахождения в ее доме постороннего мужчины. Но, как говорится, на чужой роток не накинешь платок, и что тут ни говори соседям, все это будет щепками в разгорающийся костер. Она надеялась, что я вспомню все забытое, расправлю крылья, стану прекрасным лебедем, который умчит ее свое

царство-государство, где она будет царевной и помощницей во всем.

Глава 6

Интересно и складно пишет полковник Туманов, и сразу становится понятно, почему он так быстро продвинулся в науках и по военной службе. Он ничего мне не говорил, как он служил в Туркмении, но мне кажется, что простому офицеру не с руки заниматься изучением сопредельного языка без возможности общения с носителем его и постоянного совершенствования.

Примерно месяца через три после того, как мне пришлось написать расписку о секретном сотрудничестве с полковником Петровасом, штабс-капитан Туманов в конце присутственного времени достал из своего стола граненый стакан, засургученную бутылку хлебного вина и порезанные на тарелочку хлеб и колбасу. Аккуратно сбив сургуч с горлышка и откупорив бутылку, он налил вино в стакан, подвинул его мне и сказал:

– Ну, давай, Христофор Иванович, пей до дна за свое будущее.

– Так нельзя же в присутствии водку пить, ваше благородие, – запротестовал я, – меня же под арест отправят и лычки снимут.

– Не бойсь, – сказал Олег Васильевич, – я твой начальник и разрешаю тебе выпить.

Чувствую, что дело тут неладное. Мягко капитан стелет, да жестко придется спать. Не зря он про будущее заговорил. Вероятно, сократит меня и возьмет другого, более расторопного и надежного. Лучше сразу повиниться, как говорят, повинную голову и меч не сечет.

– Ваше благородие, – говорю ему, – я уже три месяца хожу на секретный доклад к жандармскому полковнику Петровасу, докладываю ему о сохранении военной и государственной тайны, а от меня все требуют рассказывать, кто и как ругает его императорское величество и все его семейство. Вот, теперь делайте со мной что хотите, – и я махом выпил весь стакан горькой, закусив кусочком колбаски.

Пропадать так с музыкой.

– Садись, – коротко сказал Олег Васильевич. – Я давно по твоему поведению понял, что на тебя взвалили груз, который тебе тяжело и неприятно нести. Второе, ты никогда не бегал в канцелярию, все нужное курьер приносил сам, а тут три раза и примерно в один и тот же день по числу и по названию, и приходил оттуда без бумаг и раскрасневшийся как от вранья. погоди, тебе еще вознаграждение будут давать в тридцать сребреников, и расписку придется писать за то, что получил их.

– Да я никогда... – вскочил я со стула.

– Сиди, – приказал мне Олег Васильевич. – Нужно все сущее использовать в своих целях. Любую, направленную на тебя силу, нужно перехватить и использовать ее как дополнение к своим усилиям. Усекаешь, к чему я это говорю?

– Никак нет, ваше благородие, – отвечаю я, хотя было у меня внутреннее понимание того, что если на тебя напали с ножом, то нож этот нужно выхватить и им же поразить нападавшего. Или, как я читал в газете, объявился тут мастер японской борьбы джиу-джитсу, который за три рубля в месяц обещал научить справляться с любым противником, используя силу противника. – Слышал я, что я в японской борьбе принято использовать силу противника для победы над ним.

– Bravo, Христофор Иванович, – воскликнул его благородие. – В самую точку попал. Кто у нас самые сильные в государстве, кроме царя? Жандармы! Они проникли не только во все ячейки общества нашего, но и в армию, хотя армейские офицеры считают зазорным подавать руку жандармам, но это их мало волнует. Страна наша особая. В свое время генерал Ермолов Алексей Петрович просил императора Александра Первого произвести его в немцы за военные отличия. У нас ничего нет своего, все иностранное. Винтовки системы американского полковника Хайрема Бердана и австрийского оружейника Сильвестра Крнка, револьвер, разработанный бельгийскими промышленниками братьями Эмилем и Леоном Наганами, пулемет, разработанный британским оружейником американского происхождения Хайремом Максимом. Пистолеты Браунинга и Борхардта Люгера. Единственная винтовка, разработанная капитаном Мосиным, принята на вооружение под наименованием «трехлинейная винтовка образца 1891 года» без указания имени разработчика, и все потому, что она выиграла в соревновании с именитыми иностранными разработчиками

оружия. И это касается не только оружия. Все изобретения приходят к нам из-за границы, а мы что, так хуже тех людей, которые работают за границей? Нет, мы нисколько не хуже. Мы хорошо все копируем и производим те же наганы и пулеметы «максим» у себя. Поверь мне, ходи-китайцы, как только сменят имперский строй на республиканский, начнут копировать всё и вся, и станут самыми развитыми чуть ли не на всем земном шаре. И нечего глаза делать круглыми. Уже давно доказано, что земля круглая, а не плоская, и что она не стоит на трех слонах, и те не стоят на трех китах посреди моря-океана, а летает вокруг солнца в необъятном космосе. А возьми тех же японцев, которым мы проиграли войну? Это были самураи с мечами и ножами. А стали скупать по всему миру изобретения и привлекать умных людей, и стало отсталое государство мировой державой. И если ее вовремя не остановить, то она подомнет под себя всю Юго-Восточную Азию и накостыляет американцам и всей Антанте, которая захватила себе колонии там. Наша с тобой задача – обеспечить внедрение у нас в России технических разработок наших отечественных изобретателей и на этой основе обеспечить промышленное развитие нашей страны, которая будет не только кормить весь мир, но и снабжать его горючим для машин и самолетов, и продавать все то, что раньше они сбавляли нам. И в этом нам будет помогать полковник Петровас и вся жандармская система России. Я тебе буду говорить, что тебе нужно докладывать, а он пусть работает на нас. Понял?

– Так точно, ваше благородие, – сказал я, а сам подумал, что ума у моего начальника большая палата и его нужно держаться как можно крепче. Только вот откуда он может знать, что китайцы с японцами будут самыми развитыми государствами?

– Давай, Христофор Иванович, закуси как следует и приberi тут, а я пойду домой, – сказал его благородие и ушел из присутствия.

Я сидел и думал о том, что нужно записать в специальную тетрадку то, о чем мы сейчас говорили. И записать нужно так, чтобы никто, кроме меня, это прочесть не смог. Завтра спрошу у его благородия, что он знает о способах шифрования записей. Если сейчас ничего не записать, то через день можно ничего и не вспомнить и все, о чем говорилось, канет в Лету, а туда кануло столько информации, что если ее достать оттуда, то сколько миллионов книг встанет на полки всех библиотек мира. И надо спросить его благородие, почему китайцев называют ходями?

Глава 7

Домик у Марфы Никаноровны был небольшой, из трех комнат, кухни, русской печи и с удобствами во дворе. Дом родительский, но родители не так давно умерли. Семья относилась к мещанскому сословию. Отец работал приказчиком в крупной торговой фирме и смог оплатить обучение дочери в гимназии. Затем Марфа Никаноровна обучалась в общине сестер милосердия при Российском обществе Красного Креста и получила квалификацию хирургической медсестры. Учеба и работа не способствовали созданию своей семьи, а потом родители стали престарелыми. Потом возраст стал таким, что замуж было выходить поздно, и она получила народное название старой девы. Старой деве было лет тридцать пять, но времена были суровыми и перспектив на семейную жизнь было откровенно мало.

От больницы до места жительства моей хозяйки нас за двадцать минут домчал извозчик.

Я надел свой костюм, в котором меня нашли. Пиджак, рубашка, галстук, брюки, носки, полуботинки, все было модным в наше время и выглядело немного странным в одна тысяча девятьсот седьмом году, но я сразу почувствовал себя человеком. Карманы были пусты. Ни бумажника, ни удостоверения личности офицера. Оно даже хорошо, что так. Как бы я объяснил, что являюсь старшим лейтенантом войск Комитета Государственной Безопасности СССР. А до этого Комитета при Совете Министров СССР. Что такое СССР? Что такое КГБ? И прочее. Лучше уж так. Если попаду обратно в свое время, то там сумею доказать, кто я такой. В моем личном деле, которое хранится в кадровых аппаратах в трех экземплярах, есть моя фотография, удостоверенная начальником кадрового органа.

У извозчика в кошеве был овчинный тулуп, в который меня завернули, чтобы я не замерз. Погода стояла солнечная, снег приятно хрустел, и лошади бежали ходко, выдыхая пар, который превращался в морозную бахрому на лошадиных головах.

В доме было тепло. Русская печь является прекрасным обогревательным аппаратом. На русской печи можно спать, греться, сушить одежду, готовить пищу, томить ее в тепле, выпекать хлеб и другие кондитерские изделия. В печи сделаны углубления, чтобы сушить носки, варежки. Есть специальные трубы,

закрывающиеся никелированными или медными заглушками на цепочках, чтобы теплый воздух обогревал каждую комнату, так как русская печь стояла в центре дома и являлась общим нагревательным элементом. Это я так, по-современному, описываю прелести русской печи.

Города в 1907 году состояли в основном из индивидуальных деревянных домов, и каждое утро начиналось с того, что тысячи печей выпускали дым из своих труб. Если дым стелился над домами – значит, погода будет теплая. Если дымы идут вертикально вверх – то нужно одеваться потеплее, потому что грядет хороший морозец.

Мне была отведена небольшая комната с окном во двор. В комнате стояла простая кровать, заправленная кружевным покрывалом, и сверху были две большие подушки с вышивкой. В углу комод с кружевной салфеткой, на котором стояло небольшое зеркало, украшенное нарисованными краской в двух противоположных углах красными цветами на китайский манер. Зеркало было старое, и было видно, как по краям потрескалась амальгама. Но смотреться в зеркало было можно.

Около окна стоял столик, покрытый маленькой скатертью, и простой стул, созданный руками местного мастера.

– Располагайтесь, – сказала Марфа Никаноровна и показала мне, что есть в комод. А там было только постельное белье.

– Марфа Никаноровна, – сказал я, – давайте мы определимся по моему нахождению здесь. В отношении квартирной платы не беспокойтесь, я выплачу все, как только начну зарабатывать. Это главное. Второе. Как видите, у меня вообще ничего нет, ни зубной щетки, ни зубной пасты, ни куска мыла, ни бритвенного станка и мыльного крема, ни расчески. Кстати, кто меня брил, пока я находился в отключке? Третье. Как мне одеться по-современному, чтобы можно было пройтись по организациям в поисках работы и подтвердить мою личность? Четвертое. Как будет организовано мое питание? И пятое. Какие обязанности по дому должен выполнять я? Я же не буду сидеть дома сложа руки или почитывая какую-нибудь книгу.

Перечень вопросов не поставил хозяйку в тупик.

– Квартплата квартплатой. Я надеюсь на вашу честность. Мыло находится у рукомойника и там же висит полотенце. Баню мы топим по субботам и в этот же день меняем белье. Столоваться будете здесь. Я дома только завтракаю и ужинаю, а обедаю в больнице. С одеждой что-нибудь придумаем. Купим по вашим размерам, чтобы вы не отличались от других людей. А в отношении обязанностей по дому я даже не знаю, что и нужно ответить. Вы мужчина. Если умеете что-то делать, то в кладовой есть отцовские инструменты. А брила вас я отцовской бритвой, – и она показала мне бритвенные принадлежности, лежащие в левом выдвижном ящике комода. Клинковая опасная бритва, помазок, медная чашечка для мыльной пены, пакет с мыльным порошком. – Бритва очень острая, открытая. Если хотите, то купим для вас новую, только ее придется долго править, чтобы она открылась. Сейчас появились станки американского промышленника Жиллета. Говорят, что очень удобные.

Молодец женщина. Конкретные вопросы. Конкретные ответы. Опасной бритвой я не брился ни разу, но попробуем.

Не знаю, по меркам 1907 года мужчина, может быть, не помогал женщине накрывать на стол, то есть не помогал по женскому хозяйству, но я с удовольствием нарезал хлеб, расставлял на столе чашки, ложки и помогал внести чугунок с вкусно пахнущими щами. Моя помощь, как мне показалось, стесняла Марфу Никаноровну. Из погреба достали кусок хорошо просоленного сала, а я наточил кухонный нож (разве умеют женщины точить ножи?) и нарезал сало тонкими пластинками.

Из буфета с посудой хозяйка достала две граненые рюмки на ножках и графинчик с ярко-рубиновой жидкостью. Похоже, настойка либо клюквенная, либо рябиновая.

– За выздоровление, – сказала Марфа Никаноровна и протянула рюмку в мою сторону. Хрустального звона не было, но это оказалась водка на клюкве, крепкая и без химического привкуса. Продуктус натуралес.

Как давно я не ел домашней пищи. Сало с мясными прожилками так и таяло во рту. Щи были наваристые и хорошо протомленные в печи. На второе была запеченная картошка со сметаной. Вторая рюмочка водки залакировала удовольствие от первой. Затем был чай с вареньем из крыжовника. А вот сейчас, после обеда, хорошо бы закурить сигарету и поблаженствовать.

– Если хотите закурить, то я сейчас принесу, – сказала хозяйка и вышла в свою комнату.

Через пару минут она вернулась, принесла фарфоровую пепельницу, коробку папирос «Дюшес» и спички.

– Я тоже с вами покурю, – сказала женщина, протягивая мне пачку.

Я открыл коробку, предложил папиросу даме, взял себе и прикуривал свою папиросу после дамы.

– А я думал, что вы староверка, кержачка, – сказал я, и мы оба засмеялись.

Марфа Никаноровна боялась, что мне не понравится простой крестьянско-мещанский домик и я буду воротить нос от нового жилья. Баре всегда живут не так, как простой народ. Но я сразу почувствовал себя как дома, и она отбросила все опасения, показав мне комнату, место умывания, бритвенные принадлежности. Так же естественно я стал помогать ей накрывать на стол и за столом вел себя скромно, как хозяин, который еще не вступил в свои права и выказывал полное уважение своей хозяйке. Скажите, какой женщине это не понравится? Наконец-то с появлением мужчины в ее доме появились остро наточенные ножи, которые режут все, к чему ими прикоснешься. А с каким юмором я отнесся к тому, что она курит? Многие медицинские работники курят, особенно когда им приходится работать в прозекторской.

Глава 8

После обеда был объявлен «адмиральский час», который закончился в сумерки. Копившееся напряжение спало и стало легко жить, ощущать себя человеком этого времени, отбросив в сторону заботы того, будущего времени. Всегда надо жить в том времени, какое сейчас на дворе. И в любое время нужно жить сегодняшним днем.

Когда я встал, были уже сумерки и на столе стояла керосиновая лампа, а Марфа Никаноровна сидела за столом с гитарой с красным бантом на грифе и

перебирала гитарные струны, тихонько напевая:

Жалобно стонет ветер осенний,

Листья кружатся поблекшие.

Сердце наполнилось тяжким сомнением,

Помнится счастье ушедшее.

Помнятся летние ночи веселые,

Нежные речи приветные.

Очи лазурные, рученьки белые,

Ласки любви бесконечные.

Увидев меня, хозяйка резко прервала музыку и отложила гитару:

– Сейчас чай будем пить.

Я взял гитару хозяйки и прошелся по струнам сверху вниз. Она прекрасно звучала и была настроена человеком, явно обладавшим музыкальным слухом. В училище я брал уроки игры на гитаре у моего товарища, который прекрасно владел этим инструментом. За четыре года я довел уровень владения гитарой до уровня господина Высоцкого, бывшего популярным народным певцом моего времени.

– Я уже слышал этот романс на слова господина Пугачева в исполнении Вари Паниной, – сказал я, – попробую продолжить его, и если где-то буду фальшивить, то вы подпойте мне.

Я прокашлялся и постарался подстроиться под ту мелодию, которую играла Марфа Никаноровна, а затем негромко запел:

Все, что бывало, любил беззаветно я,

Все, во что верилось мне,

Все эти ласки и речи приветные

Были лишь грезы одне.

Грезы, так что же к чему пробуждения

Осень и холод, и тьма;

Ужель исчезла пора увлечения,

Счастье, любовь без ума.

Но ужель исчезли навеки дни счастья

И осужден я судьбой

Жить без любви и без слова участия,

Жить с моей старой тоской!

Мы пели на два голоса, и у нас очень здорово получилось. После окончания романса я поаплодировал музыкальным способностям хозяйки.

– Если я не найду работу, то мы сможем вместе с вами выступать с романсами, – сказал я, – и, уверен, общество ответит нам своей благодарностью.

– Фантазер вы, – засмеялась хозяйка, – давайте чай пить.

После чаепития оставалось примерно два часа личного времени до отхода ко сну. В России тогда ложились очень рано, кроме аристократов, ездивших туда-сюда с визитами, и богемной части населения, просыпавшихся сразу после полудня. Остальные вставали очень рано и шли по своим рабочим местам.

Телевизора не было, радио не было, компьютеров тоже не было. Хотя в мое время в СССР компьютеры были громоздкими электронно-вычислительными машинами (ЭВМ), площадью с огромную пятикомнатную квартиру, которые работали на перфокартах, и машины чуть поменьше, работавшие на перфолентах. Главными там были сотрудники-перфораторы, которые металлическим перфоратором пробивали дырочки в перфокартах и перфолентах.

Мир, как всегда, скакнул вперед нас лет на тридцать, а мы все кричали, что это мы самые первые, потому что не с чем было сравнивать, так как никто не мог выехать за границу, на страже которой стойко стояли советские пограничники, для которых «Границы СССР священны и неприкосновенны».

Западные писатели-фантасты писали, что ЭВМ будут совершенствоваться и проявят зачатки мышления, стараясь в этом приблизиться к мышлению человека. Они будут общаться между собой по всему миру и создадут международную сеть общения, которая так и будет называться по-английски «интер-нет», что переводится как «международная сеть».

Надо сказать, что с малой толикой моего вмешательства Россия стала пионером в компьютерной технике, видеосвязи, телевидении, авиации, космонавтике, – и все это было сделано трудами и знаниями наших соотечественников, сломавших заповедь о том, что нет пророков в своем Отечестве.

Марфа Никаноровна, убрав со стола, сидела у лампы и что-то вязала крючком, то ли новую салфетку, то ли кружевные манжеты, то ли воротник для платья сестры милосердия.

Я взял гитару и тихо перебирал струны, наслаждаясь их звучанием и ясно видимой вибрацией в зависимости от силы нажатия. И вдруг мне на память пришла шуточная песня о новобранце на войне.

– Я тут вспомнил одну шуточную песню про медиков и войну, – сказал я, – и ее нужно воспринимать с юмором.

И я запел студенческий шлягер на военную тематику:

Летят по небу самолеты-бомбовозы,

Хотят засыпать нас землей,

А я, молоденький солдатик,

Лет семнадцать-двадцать-тридцать

Лежу с оторванной ногой.

– А что такое самолеты-бомбовозы?

– Это просто так, для складности придумано, – сказал я. Это хорошо, что меня остановили, дальнейший текст песенки был не самым понятным и приятным для медицинских работников.

Надо поменьше рассказывать людям о том, чего еще нет у них. Страна православная, в переводе с латинского – ортодоксальная, попы там имеют важное значение и являются государственными служащими идеологического направления. Правящий Синод вообще контролирует деятельность армии, флота, министерств просвещения и юстиции. Есть даже ведомство православного вероисповедания, осуществляющее дискриминацию представителей других конфессий. Я всегда интересовался вопросами истории и имею отдаленное представление о нравах и порядках дореволюционной России.

– Вы знаете, – сказала Марфа Никаноровна, – мне кажется, что вы человек военный. Военные мотивы постоянно проскальзывают в вашей речи, а офицерская выправка так и прет из вас. Вы только не обижайтесь на это. Вам нужно будет поступить на военную службу, и вы сразу найдете себя, возможно, что и вспомните все, что забыли.

– Да уж, – сказал я, – был такой мудрец Козьма Прутков, так он по поводу военной службы говорил так: «Если хочешь быть красивым, поступи в гусары». Не всякому человеку даже гусарский мундир к лицу. Так что это палка о двух концах. Человек военный связан присягой, уставами, традициями, распорядком дня, судьбами подчиненных людей. Тут нужно крепко подумать.

– Вам мундир будет к лицу, – сказала хозяйка и стала убирать вязание в корзинку.

Кукушка в часах прокуковала десять раз.

Закончился первый день на свободе.

Я не сразу уснул, потому что обдумывал, как мне дальше жить и чем заниматься. Как это у Маяковского? Юноше, обдумывающему житье, решающему, делать жизнь с кого, скажу не задумываясь – делай ее с товарища Дзержинского. Я уже делал свою жизнь с Дзержинского. Наше пограничное училище носило имя

выдающегося чекиста товарища Феликса Эдмундовича Дзержинского. Но не пойду же я к имперским властям и не скажу, что я офицер Комитета Государственной Безопасности и давайте, принимайте меня на воинскую службу поручиком. Нужно доказать, что я военный. И нужно доказать, что я не пролетарского происхождения, иначе путь в военную иерархию будет закрыт. И следующее. Нужно иметь разумную наглость и не скромничать в паблик рилейшенз (PR) своей персоны.

Отец мне рассказывал, что у них на войне были два лейтенанта. Один, как говорится – слуга царю и отец солдатам. Уважительный, требовательный, солдат обучал на совесть. А второй балабон, но выступал на всех собраниях, как только завидит начальство, так сразу начинает песочить своих солдат. Так вот этот балабон и пошел по службе, прыгая через ступеньки. Скольких он солдат положил, одному Богу известно, но к концу войны стал генералом. Так что и ты, сынок, в тени не сиди. Показывай, что ты многое умеешь, только упаси бог показать, что ты умнее своих начальников.

Марфа Никаноровна рассказывала потом, что когда я взял в руки гитару и стал петь романс, то этим я покорила ее окончательно. Вот, девушки и женщины, сознайтесь и скажите честно, у кого есть такой муж? Я не хвастаюсь. Но если счастье пришло в твой дом, то к нему нужно относиться бережно и ни в коем случае не гнать его от себя.

Глава 9

Проснулся я достаточно рано. Привык спать по восемь часов, вот внутренний будильник и разбудил.

Был седьмой час. Зажег лампу, стоящую на столе. Одежда, негодя в трусах бегать перед женщиной, сдающей тебе квартиру.

Марфа Никаноровна уже встала и растапливала русскую печь.

– Хлеб я не пеку, покупаю в булочной, а вот для обогрева печка хороша, – разъяснила она мне. – Когда дрова прогорят, кочергой нужно поворошить

уголья, чтобы они стали мелкими, и дожидаться, чтобы над ними погасли синенькие огоньки. Это угарный газ, могущий привести к смерти человека. После того, как угольки перестанут светиться, нужно закрыть вьюшку в трубе над печкой. Понятно?

– Так точно, – сказал я и попытался щелкнуть каблуками несуществующих сапог.

Мы оба засмеялись.

– Я, кажется, придумала, как вас одеть, – сказала хозяйка, – посоветуюсь с Иннокентием Петровичем. Думаю, что вам это понравится.

Завтракали свежим молоком с черным хлебом. Молочница приходила ровно в шесть часов. Обедать буду один.

После завтрака Марфа Никаноровна сняла мои мерки при помощи портновского сантиметра, в том числе и размер ноги.

– Сорок второй размер, – сказал я.

– Да, как раз длина стопы двадцать восемь сантиметров, – сказала Марфа Никаноровна.

– Откуда вы знаете, что двадцать восемь сантиметров это сорок второй размер? – удивился я.

– Это очень просто, – сказала Марфа Никаноровна. – Французы придумали, а мы поддержали предложение размер обувной колодки измерять в штихах. Один штих равен двум третям сантиметра. Двадцать восемь сантиметров делим на две трети. Это двадцать восемь умножаем на три и делим на два. В результате получается сорок два. Это и есть размер обуви.

– Здорово, – изумился я. – Вы просто специалист во всех вопросах.

– Да какой там специалист, – сказала Марфа Никаноровна, – просто знаю немного обо всем. Вы не помните, что ваш Козьма Прутков сказал о специалистах?

– Помню, – засмеялся я, – специалист подобен флюсу, полнота его односторонняя. А я знаю, что эрудированный человек знает все о немногом и понемногу обо всем.

– Какая-то мудреная формулировка про эрудитов, – сказала Марфа Никаноровна, – я пошла в присутствие, а вы тут осваивайтесь.

Я остался один. Чем заниматься дома, когда ты один и нет никаких средств массовой коммуникации? Никто тебе не позвонит, никто не обгадит тебя в соцсетях, которые появились в этом мире только в 1950 году, потому что весь научный и технический потенциал вместо мировой войны был направлен на развитие средств коммуникации, никто не сообщит о событиях, которые только что произошли в мире. В моем мире в 1985 году тоже не было соцсетей, но, художественно, было радио и телевидение, да еще у меня была работа и к девяти часам я тоже должен был идти в присутствие с ненормированным рабочим днем, который волей начальственных лизоблюдов превращался в рабочий день без нормы. А тут еще перед моим исчезновением центральный комитет коммунистической партии принял постановление о борьбе с пьянством и алкоголизмом. Представляю, во что выльется эта борьба. Как бы кровушкой не захлебнулись от этой борьбы.

Итак, у меня есть два пути существования в этом старом и новом для меня мире.

Первый – пойти по пути революции. Найти ячейку социал-демократов, вступить в ее члены, благо я и так полноправный член КПСС, морально устойчив и идеологически выдержан, как пишут во всех характеристиках. Придется вести непримиримую борьбу за лидерство в партии, иначе зачем все это начинать. Кто у нас был в лидерах? Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович, организатор и руководитель революции. Но тут приехали заграничные лидеры в опломбированном вагоне и перехватили революционный успех. Чем закончил Троцкий? Ледорубом по башке в сороковом году в Мексике от будущего полковника и Героя Советского Союза Рамона Меркадера. Чем закончили другие лидеры и идеологи революции? Пулей в застенках НКВД. Чем заканчивали руководители НКВД? Тем же самым. Внутрипартийная борьба штука кровавая и на нее нужна решимость довести дело борьбы до конца, чтобы вокруг не осталось ни одного конкурента и даже тех, кто может подумать о конкуренции.

Что будет потом? Потом будет работа по разложению царской армии, участвующей в Великой войне, и подзуживание либерально настроенной военной и гражданской интеллигенции на окончание войны без аннексий и контрибуций. Отречение царя и его казнь в будущем городе Свердловске. Гражданская война и разруха. В Великой войне безвозвратно потеряли почти миллион человек, зато в гражданскую повеселились на славу – десять миллионов потерь.

После Версальской конференции, поставившей точку в Великой войне, в числе проигравших оказались Германия и Россия. Весь мир просто бросил их в объятия друг другу. Потом мировой кризис в двадцать девятом году пригнал к нам американцев, которые построили нашу промышленность.

Затем начались репрессии в виде коллективизации, чисток и расстрелов среди всех слоев населения. Данные разные, но все историки склоняются к тому, что потери сопоставимы с потерями в гражданской войне с обеих сторон.

Потом Вторая великая война. Столкнулись два тирана. Один мечтал о коммунизме во всем мире, и как первый шаг – построение СССР от Лиссабона до Владивостока. В фильме про С. М. Кирова показали, как он мечтал выйти на балкон после какой-нибудь большой войны, а вокруг Советский Союз из республик так сорока. У второго тоже губа не дура – Европа от Лиссабона до границы с Азией по Уральским горам. Здесь как в борьбе сумо – кто первым толкнет своим пузом противника. Про потери во Второй войне говорить не буду – они астрономические. И состоят они из тех, кто погиб в боях с фашистами и кого расстреляли доблестные сотрудники правоохранительных органов, этих порядка двадцати пяти полнокровных дивизий.

И сейчас я спрошу у большевиков, коммунистов и националистов – вы что, хотите повторения этих жертв нашего народа, хотите повторить реки пролитой крови? Да и простой народ тоже должен задуматься над этим вопросом, прежде чем идти на выборы и поддерживать кого-то, кто кричит на всех углах, что они могут все это повторить.

Второй путь – участие в эволюционном развитии общества. Применить все свои знания и умения, чтобы не было трагедии нашего народа, чтобы страна наша расцветала, и чтобы «все флаги будут в гости к нам» не из боязни, а от авторитета и возможности чему-то поучиться у нас. А для этого мне нужно прочно легализоваться в этом обществе и стать тем, кто сможет повлиять на ход

исторического процесса совсем не по тому пути, который совершили большевики.

Ладно, начнем день, а потом что-нибудь придумаем. Утро начинается с рассвета и утро офицера начинается с бритья.

Я взял теплую воду, полотенце и пошел в комнату бриться. В чашечке приготовил пену, намазал помазком лицо, это элементарно, а потом взял клинковую бритву, которая долго была в использовании и ее лезвие от заточки напоминало дугу. Меня как-то брили опасной бритвой, но та бритва была современной и в нее вставлялись половинки лезвий безопасной бритвы. В каком-то кино я видел, что опасную бритву заправляют на кожаном ремне, благо такой был в комплекте, который остался от отца Марфы Никаноровны.

Подправив на ремне опасную бритву, я приступил к процессу бритья. Натянув кожу на левой щеке, я начал сбивать выросшую за полтора суток щетину. Бритва скрипела, но сбивала волосы бороды. Потихоньку я начал принаравливаясь, но в трех местах легонько порезался. Проведя рукой по лицу, я установил, что осталось немало огрехов, как у косаря, который спустя рукава косил выделенную ему делянку. Ладно, для первого раза сойдет.

Поискав перевязочные материалы, я нашел газету «Губернские ведомости» за прошедший год. Оторвав три полоски бумаги, я приложил их к местам порезов. Толстая пористая бумага прилипла и остановила кровотечение. Старый прием. Мой отец тоже брился опасной бритвой «Золинген», которую он привез из заграничной экскурсии в Германию в 1945 году, и когда были порезы после бритья, то он их заклеивал либо папиросной, либо газетной бумагой. Век живи, век учись.

Я закурил тонкую папиросу и рассмотрел коробку с папиросами. Похоже, что это дамские папиросы. На цветной коробке написано: папиросы «Дюшесъ», 20 штук, цена 6 копеек. Табачная фабрика Колобова и Петрова, С. Петербург. По углам восемь золотых медалей. В центре медальон с грудастой девушкой в платье с глубоким декольте и золотыми волосами, которая держит в руках маленький поднос с грушами. Но папиросы хороши, достаточно ароматны и не дерут горло, как самосад.

Подымливая папирсой, я взялся за газету. Последние числа 1906 года. Реклама, сообщения о получении чинов, награждении орденами, объявления о свадьбах и похоронах, получении новых колониальных товаров. На третьем листе статья корреспондента Демьяна Кривошекова «Что было и что нас ждет в будущем».

Статья была изложением событий, которые произошли в мире, и попыткой предсказать, что будет в этом, нынешнем 1907 году.

Год выдался насыщенным. Революционное движение пошло на спад.

В январе полиция разгромила Красноярскую, Гурийскую, Владивостокскую, Читинскую, Марковскую республики, разогнала Совет рабочих депутатов Баку.

В подмосковной Коломне прошло первое собрание членов Клуба любителей шахматной игры. Флигель-адъютант Джунковский утвердил Устав клуба.

В феврале в Англии спущен на воду первый дредноут.

В мае Всеобщая конфедерация труда Франции провела всеобщую забастовку промышленных рабочих с требованием установления восьмичасового рабочего дня.

В России состоялось первое заседание Первой Государственной думы Российской империи. Через месяц Дума была распущена, и большинство депутатов подписали Выборгское воззвание, призывающее к пассивному сопротивлению властям (гражданскому неповиновению), то есть не платить налоги, не ходить на военную службу и т. д.

В июле финский сейм принял Конституцию.

В ноябре вышел Указ о выходе крестьян из общины. Сейчас крестьяне могут свободно заселять пустующие территории империи.

Завершилась первая Сихотэ-Алиньская экспедиция штабс-капитана В. К. Арсеньева.

В декабре иранский шах подписал разработанную меджлисом конституцию.

В будущем 1907 году в России все будет хорошо.

Парень однозначно пропагандист, но он хорошо, хотя и кратко изложил основные события, происходившие в революционной России в 1906 году.

Глава 10

Дневное солнце осветило дом, он сразу как-то засиял и стал уютным местом прибежища для человека, который неизвестно как попал сюда и не знает, кто он такой.

Хотя, если признаться, он уже знает, кто он такой, просто не помнит имени, отчества и места жительства. Даже если бы он это помнил, то как бы это ему помогло? Его отец родился в 1922 году, а мать родилась в 1924 году. Дед родился в 1904 году и в 1907 году ему было всего три года. Кто мог подтвердить личность человека, который родится через пятьдесят три года? Никто.

По-моему, ничего искать и вспоминать не нужно. Нужно формировать личность с сегодняшнего дня. Нужно как-то заявить о себе. Но как? Думай, Вася, думай. А почему думать должен Вася, если меня зовут Олег? А Вася – это имя моего отца. Олег Васильевич. Достаточно редкое имя в России после того, «как ныне сбирался вещей Олег отмстить неразумным хазарам».

Что ты хорошо умел делать? Бренькал на гитаре вместе со своим учителем в дивизионном эстрадном оркестре. Хорошо стрелял, имел разряд по стрельбе. Получил хорошую кавалерийскую подготовку. Всем смешно, что в погранвойсках есть кавалерийские подразделения. А как по-другому охранять границу, где не то что техника, где и человек проходит с трудом? Умею фехтовать и рубить шашкой. Умею командовать взводом, ротой. Нужда заставит, смогу командовать и батальоном, а то и полком.

Следовательно, нужно подтвердить наличие военного и высшего образования, поступить на военную службу и делать карьеру. Или поступить на гражданскую службу, начиная с коллежского регистратора.

Попросим Иннокентия Петровича достать наставление по винтовке образца 1891 года, то есть винтовке капитана Мосина и пулемета Максима. Стрелял из обоих видов оружия, но в устройство не вникал. Потом нужно проштудировать уставы. А затем пойти сдавать экзамены экстерном.

Еще нужно не забывать, что в курсантские и офицерские времена баловался стишками гусарского типа. Может, это сегодня и пригодится?

В буфете в большой комнате я нашел перьевую ручку, чернильницу-проливайку с крышкой на деревянном письменном приборе и несколько листов бумаги примерно формата А4. Несколько листов были гербовыми, на просвет просвечивался государственный орел, и пара листов были простыми.

Проверив ручку, я положил бумагу на газету, чтобы просвечивающие газетные строки служили трафаретом для письма, и стал писать военно-лирические стихи, которые я помнил:

На бал спешу, как на свидание,
Пойдем мы с Вами в менуэте,
И знает офицерское собрание
О нашем чувственном секрете.

Судьба нас сводит ежедневно,
То мы гуляем в старом парке,
В манерах с Вами мы примерны,
Но мне от Ваших взглядов жарко.

Сегодня я пойду в атаку,
Скажу, что очень в Вас влюблен,
Есть реверс и живу в достатке,
И звездочка украсит мой погон.

И Ваш отец, советник статский,
Сам был когда-то капитаном,
Возможно, скажет он по-братски,
Что наша жизнь прекрасна в главном:

Любить и дорожить любовью
К жене, детишкам и стране —
России, Их защищать и даже кровью,
Чтобы они на свете жили.

Приду я завтра к Вам с визитом,
Мундир надену с орденами,
И Вам колечко с аметистом,
Чтобы удача была с нами.

Пусть завтра это будет завтра,
Сегодня мы летаем в танце,
Мы, как артисты из театра,
И лица наши все в румянце.

Олег Туманов

Получилось вроде бы неплохо. Сразу на чистовике. Единственное, не хватает ятей и прочей титы и фиты. Буду писать именно так. Кто-то же должен быть оригинальным и выступать за реформу русского языка, упрощая его для большего количества людей, желающих стать грамотными. И фамилия получилась романтическая.

Обедать не хотелось. В загнетке печи стоял чугунок со вчерашними щами. Кстати, печь я проверил, разворошил уголья и вовремя закрыл вьюшку, поэтому в доме было тепло и комфортно. Вообще, в деревянном доме живется и дышится

легче.

В погребе я нашел мешок картофеля и небольшой бочонок соленых огурцов. На кухоньке видел бутылку с прованским маслом. Хорошая жареная картошка получится на ужин.

Насчет прованского масла я немного загнул. В бутылке было обыкновенное подсолнечное масло, это в старинных книгах все обязательно пользовались прованским маслом. Не забывайте, что это название оливкового масла, которое привозилось из французской провинции Прованс. А вы посмотрите и сравните цены подсолнечного и оливкового масла, в 1907 году эта разница тоже была немаленькой.

В подпечке отыскался таганок, лучина в дровяном сарае, а нажарить картошки плевое дело. Кстати, вы хоть знаете, что такое таганок и как им пользуются?

Таганок – это металлическое кольцо с тремя или четырьмя прикованными ножками. На кольцо ставится кастрюля, сковорода, казан, чугунок, а под ними из щепочек разводится костерок. И все это делается в поде русской печи. Готовится быстро и без всякой химии.

Кстати, для городских. Под – это горизонтальная поверхность в печи, на которую кладется топливо. Когда печка горит, то таганком не пользуются. Разводить таганок в поду – это хорошая мера пожарной безопасности, а так обычно таганок ставится на железный предпечек, который находится в зоне печной вытяжки.

Картошку я пожарил как раз к приходу из присутствия Марфы Никаноровны.

– Вы умеете готовить? – удивленно спросила моя хозяйка.

– Любой мужчина должен уметь готовить, на то он и охотник, – с гордостью ответил я.

Посмотрим, как у них там с мясом, и я ее угощу настоящим шашлыком или пожарю на тагане настоящие стейки.

После ужина я рассказал, как можно заработать на своем интеллекте. Стихотворение моей хозяйке понравилось.

Завтра Марфа Никаноровна отнесет мое стихотворение в редакцию газеты «Губернские ведомости», и посмотрим, что из этого получится. Лирика всегда была в цене.

Я сообщил своей хозяйке, что мое имя Олег, по батюшке Васильевич и прозвище Туманов. Она поинтересовалась, как получилось, что мои родители дали мне столь редкое в России великокняжеское имя Олег. Я сказал, что это имя как имя, не хуже других, и скоро в России будет столько Олегов, что все Иваны и Василии завидовать этому будут.

Глава 11

Я все-таки не забыл и спросил своего начальника, почему китайцев называли ходями.

– Ходя – это искаженное китайское слово хуоцзя (huojia), то есть разбойник, – начал как всегда подробно объяснять его благородие. – Название произошло во время китайских набегов на российские поселения и крепости на колонизованных территориях вдоль рек Аргунь, Амур и Уссури.

– Действительно, разбойники, – согласился я. – Но мы им отобьем охотку нападать на исконные русские территории.

– В отношении исконности надо еще подумать, – сказал капитан. – Не так давно его превосходительство генерал-лейтенант Болховитинов Леонид Митрофанович написал большую статью под названием «Колонизация Дальнего Востока». Так что об исконности этих территорий можно говорить с натяжкой. Так и турки могут сказать, что их Стамбул и бывший Константинополь – это исконно турецкая земля, из которой пошел весь род турецкий. Не было там турок отродясь. Просто пришли кочевники, завоевали христианские земли и насадили силой ислам. Что бы вот ты, Христофор Иванович, сделал, если бы кто-то пришел в твою деревню, выгнал вас всех и сказал, что это его родовое гнездо и что его

предки проживали тут бесчисленное количество лет?

Я задумался над этим вопросом. Что вот мы, мужики, можем сделать против супостата, который сильнее нас? А ничего и не можем сделать, в пояс поклонимся, повинимся, типа, владей нами, батюшка, казни и милуй по своему усмотрению, а мы тебе рабами вечными будем, и еще будем благодарить за ежепятничную порку и вразумление на будущее. Примерно это вот и сказал его благородию.

– Я так и знал, – сказал господин капитан, – народ, который всю осязаемую историю провел в рабском состоянии, не может сам решать свою судьбу. Где-то я читал, что когда в Америке освободили африканских рабов и сняли с них ошейники, то многие приходили к хозяину и просили оставить им ошейники, так как без ошейников они не могут спать. Так и русский народ. Это не китайцы, которых много, но они никогда не забудут того, кто их освободил или прогнал с земель, на которых они хозяйничали сотни и тысячи лет. Поэтому они и нападали на русских поселенцев-колонизаторов. Совсем как в Северной Америке, которую колонизировали европейские переселенцы и которые уничтожили местное население – индейцев, корнями своими и обличем напоминавших наши северные народы, дававшие отпор русским землепроходцам, то бишь завоевателям наподобие Ермака Тимофеевича с ватагою поделльников. Ты вот почитай сочинения господина Фенимора Купера, который очень интересно описывал историю завоевания Америки. Возможно, что и в нашей стране найдется такой же Купер. Читал я писателя Семушкина, книга у него «Алитет уходит в горы». Как там чукчей цивилизовали и как они этому сопротивлялись. Хотя нет, подожди, это я чего-то напутал. Индейцы меня с мысли сбили. Так вот, китайцы еще отомстят нам за то, что мы отняли у них Дальний Восток. Они планировали его полностью заселить и воспользоваться всеми тамошними богатствами, а мы им дорогу и перекрыли, а у них самих неполадки в государстве их были, вот они и не смогли нам противостоять как следует. Китайский мудрец Лао-цзы сказал: «Если кто-то причинил тебе зло, не мсти. Сядь на берегу реки, и вскоре ты увидишь, как мимо тебя проплывет труп твоего врага». По этой причине мы никак не можем поворачиваться к Китаю спиной и никогда он не будет нашим другом и партнером.

Его благородие после этих слов стал задумчиво покачиваться на стуле и о чем-то думать. Наконец, он сказал:

– Слушай сюда, Христофор Иванович, ширина и длина твоих лычек будет зависеть от длины твоего языка. Я на тебе пробую новые идеи, и как только увижу понятие в твоих глазах, то считаю, что я понятно довел мысль. Мои указания записывай в тетрадь, чтобы не забыть, а о том, о чем мы говорим, забывай сразу. Хотя можешь и записать для книги воспоминаний обо мне, но только шифром. Я тебя научу, как это делать.

Я действительно собирался и дальше служить на военной службе. Должность писаря непыльная, дает доход, государственное обеспечение и возможность выслужиться, если не в офицеры, то в классные чиновники и, хотя погоны будут не военные, но титуловать будут вашим благородием. А для этого начальника своего нужно уважать и становиться незаменимым для него сотрудником.

– А я умею шифры делать, – доложил я. – В нашей церковно-приходской школе преподобный отец переписывался с учительшей из сельской школы. Мы записки носили туда и сюда, а там одни цифры. Мы подглядели, как батюшка записки пишет, и заметили, что он пишет при помощи молитвенника. Спичкой в левой руке отсчитывает количество букв от края страницы и количество строк сверху. И получалось четыре цифры. Мы переписывали записки и при помощи молитвенника по странице батюшки расшифровывали эти послания. Долго это шифровать. Короткую записку зашифровать можно, а вот длинный текст займет очень много времени.

– Ничего, – сказал его благородие, – я научу тебя более эффективному способу шифрования по методу господина Конан Дойля.

Глава 12

На следующий день я не брился, чтобы у меня зажили порезы, а Марфа Никаноровна обещала меня брить, так как ей это приходится частенько делать с больными, не имеющими сил бриться самим.

День прошел нормально, хотя и в некотором ожидании результата похода Марфы Никаноровны в редакцию газеты.

Хозяйка нашла еще бумаги для моих литературных изысканий. И вот что у меня получилось:

В гусарах трудно быть корнетом,
Не все зависит от красоты,
Улыбки дамочек с лорнетом
И не растут пока усы.

И нет войны для честной славы,
Но льется реками вино,
Качались храмы златоглавы
И дамы в красных кимоно.

А по утрам езда в манеже,
Вольтижировка, рубка лоз,
Никто не скажет, что ты нежен,
Но сколько льется ночью слез

У дев, обиженных вниманьем,
У них потом наступит время,
И пусть посмотрят утром ранним
На сапожок, входящий в стремя.

Пройдут года и капитаном
Войду с визитом я в ваш дом,
Напомнит кивер мой с султаном
Об офицере молодом.

Вечер оказался наполнен неожиданными событиями. Марфа Никаноровна пришла вместе с Иннокентием Петровичем, с которым я тепло поздоровался, и он был рад меня видеть.

Марфа Никаноровна торжественно подняла ассигнацию в пять рублей и объявила, что мое стихотворение принято и оно будет опубликовано завтра, а это гонорар в пять рублей. И они ждут новых стихотворений от Олега Туманова.

Это было неплохо. Творческих замыслов у меня много и мне нужно зарабатывать деньги.

Ужинали мы втроем, и во время ужина я рассказал о своем желании поступить на военную службу вольноопределяющимся для подготовки к сдаче экзаменов по курсу университета и кавалерийского военного училища. Кроме того, служба вольноопределяющимся поможет усвоить мне особенности службы рядовых. Если у Иннокентия Петровича есть знакомые военные, то они мне могут дать консультацию по устройству затвора винтовки и пулемету Максима, либо я сам разберусь с ними по наставлениям по эксплуатации.

Иннокентий Петрович приветствовал это предложение и высказал сомнение в том, смогу ли я сдать такое количество экзаменов. На это у всех его знакомых уходило не менее двух лет.

– Ничего, Иннокентий Петрович, – сказал я, – сначала нужно ввязаться в драку, а там будет видно.

Марфа Никаноровна предложила одеть меня в модный и универсальный костюм водителя автомобиля: хромовые сапоги, галифе цвета хаки, английский китель, рубашку с галстуком и кожаную фуражку с клапанами. Это поможет и в решении вопроса поступления на военную службу.

На том и порешили.

Дни пошли за днем. Занятия по математике, физике, химии в рамках тех программ, которые были в 1907 году. Изучение наставлений по службе и по вооружению, которые можно было свободно купить в магазине. Какой секрет могла иметь винтовка, выпущенная в количестве свыше четырех миллионов единиц, да и пулемета, состоящего на вооружении десятков государств?

Одежду из магазина доставили приказчики. Они же сняли мерки и подогнали все по фигуре. Сейчас я выглядел как щеголь, приехавший из Англии, и мог выходить на улицу в теплом пальто с черным меховым воротником.

Полиция ничем не могла обрадовать. Человек с моими приметами не значился нигде. К описанию приложили мою фотографическую карточку и дело отправили в архив, вдруг когда-то и кто-то найдется.

По ходатайству полиции и с разрешения местного митрополита был проведен обряд православного крещения для внесения записи в метрическую книгу, что такого-то числа крестился раб Божий Туманов Олег Васильевич, урожденный здесь же сентября шестого дня в одна тысяча восемьсот восемьдесят втором году.

На основании этой метрической записи мне был выписан паспорт, то есть выдана паспортная книжка, в которой было указано о моей принадлежности к почетным гражданам, то есть потомкам людей, имевших личное дворянство. Это было очень здорово и не обошлось без знакомств с сильными мира сего, которые уже знали меня по газете, и молодые женщины требовали публикаций стихов Олега Туманова, в связи с чем мои гонорары увеличились.

По схемам я достаточно легко разобрался с винтовкой капитана Мосина. Интересующиеся могут легко найти информацию о винтовке. Как раз с изучения простых механизмов начинается научная деятельность и становление инженеров-механиков и изобретателей.

Система призыва в российскую армию того времени была очень интересной.

Призывной возраст двадцать лет. Одна треть призывников призывалась на действительную военную службу посредством жребия. Остальные зачислялись в ополчение и проходили подготовку на кратковременных сборах.

Призыв один раз в год в зависимости от сроков уборки урожая, в сентябре или октябре – ноябре.

Срок службы три года в пехоте и артиллерии и четыре года в других родах войск. Во флоте срочная служба пять лет. Лица еврейской национальности не

допускаются во флот. И только лишь из проявления государственного антисемитизма.

Призыву на воинскую службу не подлежали жители отдаленных мест, таких как Камчатка, Сахалин, некоторые районы Якутской области, Енисейской губернии, Томской, Тобольской губерний, Финляндии, инородцы Сибири, Астраханской, Архангельской губерний, Степного края, Закаспийской области и население Туркестана.

Вместо воинской повинности вносят денежный налог инородцы Кавказского края и Ставропольской губернии, как-то: курды, абхазцы, калмыки, ногайцы и другие. Финляндия отчисляет от своей казны 12 миллионов марок ежегодно.

Не подлежат призыву: единственный сын в семье; единственный способный к труду сын при недееспособном отце или матери-вдове; единственный брат при круглых сиротах до шестнадцати лет; единственный внук при недееспособных бабке и деде без взрослых сыновей; внебрачный сын при матери на его попечении; одинокий вдовец с детьми.

Добровольно с семнадцати лет принимаются на службу вольноопределяющимися лица с высшим и средним образованием. Срок службы два года.

Мой первый экзаменационный тур был проведен в Первой городской гимназии. Комиссию возглавлял попечитель учебного округа действительный статский советник, статский генерал в ранге, равном генерал-майору.

Кстати, чтобы не забыть.

Если вдруг этого статского, то есть штатского генерал-майора призовут в армию, то он будет иметь тот чин, который он имел в армии. Если был унтер-офицером, то и останется унтер-офицером, независимо от того, что в статской службе он был генералом. А вот если военный генерал-майор выйдет в статскую службу, то он сразу будет действительным статским советником и никак не коллежским регистратором. Так что военная служба в России всегда почиталась выше статской.

В экзамены были включены: сочинение на свободную тему, контрольная по математике (арифметический пример, алгебраическое уравнение, доказательство теоремы по геометрии), собеседование по физике, химии, иностранному языку и Закону Божьему.

Сочинение писал не более тридцати минут. Описал, почему я избираю военную стезю и что я хотел получить от военной службы. Математику решал сразу на доске. Затем было увлекательное и достаточно утомительное собеседование с преподавателями по их направлениям.

Экзамен продолжался без малого три часа. Некоторые преподаватели выходили покурить, а я был один, и за меня некому было покурить.

Подведение итогов было назначено на послеобеденное время.

Все хорошо оценили содержание сочинения, но начали охать и ахать по поводу отсутствия ятей и латинских «i».

– Разве поймут этот язык образованные люди? – воскликнул директор гимназии, надворный советник.

– Ваше высокоблагородие, – сказал я, чем доставил удовольствие директору поминанием его титулования, – просвещенные умы России составляют проекты упрощения письменной части русского языка, равно как и китайские коллеги их работают над упрощением китайского языка, чтобы как можно больше людей были грамотными и способствовали распространению их языка по всему миру. Мне кажется, что Россия намного опередит Китай и сделает русский язык наиболее употребимым как на просторах нашей империи, так и за пределами ее.

– Как же вы будете жить без греческого языка? – вопрошал преподаватель древних языков.

– Я думаю, – отвечал я, – что когда Греция войдет в состав Российской империи, то грекам придется учить русский язык, а такие специалисты греческого языка, как вы, будут работать наместниками в греческих провинциях и нести свет цивилизации в их заблудшие души.

Я рисковал с этим ответом, но он получился очень удачным в свете намерений российской власти завоевать черноморские проливы и распространить свое влияние на бывшую Византию, в которую входили и греческие города-государства. Поэтому и за знание греческого языка, вернее за его полное незнание, мне был поставлен «уд».

Ответ очень понравился батюшке, и он попросил прочитать наизусть «Отче наш», что и было сделано со всей тщательностью и почтением.

После получасового совещания мне было объявлено об успешной сдаче экзамена экстерном за полный курс гимназии с похвальным листом по результатам экзаменов.

Ур-р-ра-аа!

– А сейчас, уважаемый Олег Васильевич, приглашаем вас на маленький фуршет по поводу встречи с известным поэтом, наши дамы уже все приготовили, – пригласил попечитель учебного округа.

Фуршет был хорош, а у меня появился еще один документ, легализующий мое нахождение в том времени, в которое я попал.

В конце фуршета я прочитал мое давнее стихотворение, чем привел всех в восторг. Это стихотворение еще не публиковалось в «Губернских ведомостях» и в списках быстро разошлось по всему городу.

Мне природа была вместо няни,

На базарах я пел куплеты,

Говорят, что из горькой пьяни

Вырастают у нас поэты.

Да, я пью, и с друзьями, и в меру,

Да, я дрался в кабацком дыму,

Но я дрался за русскую веру

И за что-то еще, не пойму.

Только утром в глухое похмелье

Просыпался с подругой другой,

Кто же сыпал в вино мое зелье,

Почему я в постели нагой?

Знаю, музу прислали в награду,

Видно, страсти им мало в стихах,

Дайте кислого мне винограда,

Я покаюсь в грядущих грехах.

А пока разбужу свою деву,

Словно меч ее черная бровь,

Ублажу я свою королеву,

Разгоню загустевшую кровь.

И последний тост провозгласил батюшка:

– За веру!

И я добавил:

– Царя и Отечество.

И тут поднялись все как один и запели:

Боже, царя храни!

Сильный, державный,

Царствуй на славу, на славу нам!

Царствуй на страх врагам,

Царь православный!

Боже, царя храни!

Последующие дни были заполнены трудами по восстановлению знаний. Иннокентий Петрович приглашал знакомых репетиторов, я штудировал военные наставления, уставы и все то, что касается военной службы. Это для меня как родное и ближе всего. По два-три раза в неделю я пишу стихотворения, которые охотно принимает для публикации газета «Губернские ведомости» и даже выплачивает гонорар, который является моей заработной платой. Я серьезно готовился к экзаменам за курс гимназии, а это очень трудно, и видел уважительное отношение к этому моей хозяйки.

Я безмерно волновался, когда предстал перед авторитетной комиссией в Первой городской гимназии для сдачи экзамена за полный курс обучения. Все-таки я был не недоросль, а вполне зрелый мужчина, которому нужно подтвердить свою личность и имевшиеся знания. Оценка «отлично» с похвальным листом. Вернулся домой под шофе, но в нормальном состоянии.

Глава 13

Моя литературная работа в газете приносила свои плоды в виде гонораров и печатания откликов читателей, что подогревало интерес к моей персоне, и я начал получать приглашения на спектакли, заседания литературных кружков. А от стихотворения «Маргарита» даже Марфа Никаноровна стала смотреть на меня как-то с ревностью. И когда Марфа Никаноровна меня брила, я иногда ловил себя на мысли, что женщину с опасной бритвой в руках около твоей шеи дразнить нельзя.

Жила на свете сеньорита,

С губами алыми, как роза,

Ее все звали Маргарита.

Всегда нежнее абрикоса,

На щечках солнца поцелуи,
В глазах играющий чертенок
Под звуки нежной «аллилуйи»,
Но все равно еще ребенок,

Когда в толпе ее увидел.

С дуэньей шла она к обедне,
И шли за нею, словно в свите,
Три дона, лишние на сцене.

И мой клинок, быстрее мысли,
Сверкнул, как молния в грозу,
И величавость сразу смыли
Удары шпаг и боль в глазу:

Кусочек стали в глаз попал.
Я дрался яро, безрассудно,
Но был убит я наповал,
И помню как-то очень смутно,

Что кто-то лоб мой целовал,
Слезами щеки орошая,
Достав из ножен мой кинжал.

Вот Маргарита дорогая

Со мною под руку идет,
У нас в раю любовь большая,

Нам песню славы хор поет,

И нас ласкает ветер мая.

Наступило лето. Вместе с Марфой Никаноровной мы вскопали и засадили огород. Я занимался подготовкой к экзаменам за курс университета, писал контрольные работы по заданиям, полученным в губернском университете.

Кстати, в этот же период я поспособствовал внедрению одного технического новшества в огородничество Степного края и других губерний. Готовясь к вскапыванию огорода, я вспомнил о том, как умельцы из моего времени делали приспособления для рыхления почвы. Практически это были вилы, к которым на шарнирах крепилась металлическая решетка. Огородник втыкал вилы в землю и поворачивал вилы, поднимая и рыхля землю в пределах решетки. Кузнец жил через три дома от нас, и я заказал ему этот агрегат, уплатив пять рублей за работу. Вилы мне принесли через три дня. Мы вместе опробовали их и остались довольны. А вскоре это изделие появилось во всех скобяных магазинах и лавках, а кузнец здорово наварился на этом, запатентовав изобретение и став монополистом по их производству. Где-то через полгода он зашел к нам в гости, одетый как преуспевающий буржуа с толстой золотой часовой цепью на брюхе, поблагодарил за идею и положил «катеньку» на стол.

– Если, ваше благородие, – сказал он, – придумаете еще что-то механическое, то завсегда буду ждать вас у себя.

Наш город Энск был не сильно большим, но он стоял на перекрестке дорог между Европой, Азией и Средней Азией и наука в нем процветала, готовя квалифицированных чиновников для туземных администраций и учреждений в соседних губерниях. Кроме того, в городе находилось управление Западносибирской железной дороги, а это большое количество инженерных и технических кадров. В городе было и свое военное казачье училище, позднее переведенное в разряд кадетских корпусов.

Наши отношения с Марфой Никаноровной были дружескими. Досужие языки болтали черт-те что о хозяйке и ее квартиранте, да я и сам понимал двусмысленность этой ситуации, так как занимался мужской частью домашнего хозяйства, а Марфа Никаноровна женской. Ну чем не семья, живущая скромно и добропорядочно? А то, что не венчаны, так это дело современное.

Марфа Никаноровна была очень даже недурна собой во всех отношениях, одевалась со вкусом, носила модную прическу, но возраст...

В наши времена тридцать пять лет для женщины особо ничего не значили. В этот период она делает карьеру, а потом создает семью. Правда, не у всех это получается.

В субботу вечером мне пришлось поговорить с Марфой Никаноровной по вопросу моего проживания у нее, что мое нахождение в доме с одинокой женщиной может ее скомпрометировать, поэтому я буду вынужден искать другое жилье, хотя уже освоился в этом доме и было бы жалко покидать это жилище, ставшее для меня убежищем в очень трудные времена.

Марфа Никаноровна внимательно выслушала мои рассуждения, сразу заплакала, встала и ушла в свою комнату.

Я сидел и не знал, что мне делать. Идти и успокаивать женщину, или не идти никуда и стать черствым сухарем, доведшим женщину до слез. Так и так получается как-то нехорошо.

Я сидел в своей комнате, Марфа Никаноровна – в своей комнате.

«Может, так оно будет лучше, – думал я, – сейчас все проревутся, снимут напряжение, а завтра на свежую голову подумают, что так оно лучше. Как это там у Лермонтова? Была без радостей любовь, разлука будет без печали. Но наш случай никак не похож на лермонтовский. Мы уже привыкли заботиться друг о друге, и наши отношения давно переросли рамки простой дружбы, хотя это ни в чем не выражалось».

Ближе к полуночи я умылся, почистил зубы и лег спать.

Не спалось, и вдруг я почувствовал, что около дверей в мою комнату кто-то стоит. Догадаться было нетрудно, потому что кроме нас двоих в доме не было никого.

Затем послышался легкий стук в дверь и дверь начала открываться. В проеме двери стояла женщина в белой длинной рубаше и с распущенными волосами.

Закрыв дверь, она неслышно проскользнула ко мне и легла в мою постель.

Мы не говорили ничего. Все было сказано давно и без слов. Наш первый поцелуй был таким длинным, что мы чуть было не задохнулись от недостатка воздуха.

Марфа Никаноровна была неопытной в этих делах, и мне пришлось учить ее всему, что я знал сам, и сделать так, чтобы первая ночь нашей любви не стала причиной появления еще одного человека в нашей компании.

Если я собирался поступить на военную службу, то мне нельзя быть женатым, чтобы стать офицером, а офицеру нельзя жениться до тех пор, пока он не заработает себе реверс, то есть определенную сумму денег, которая позволит ему содержать семью в тех условиях, которые приличествуют офицеру армии его императорского величества.

Утром я встал пораньше и приготовил кофе, который мы недавно купили в лавке колониальных товаров.

С маленьким подносом я вошел в свою комнату и увидел, что Марфа Никаноровна уже проснулась, лежит в постели с гитарой в руках и напевает романс господина Зубова:

Не уходи, побудь со мною,

Мне так отрадно и светло,

Я поцелуями покрою

Уста, и очи, и чело.

Я поцелуями покрою

Уста, и очи, и чело.

Побудь со мной,

Побудь со мной!

Не уходи, побудь со мною,

Я так давно тебя люблю.

Тебя я лаской огневою

И обожгу, и утомлю.

Тебя я лаской огневою

И обожгу, и утомлю.

Побудь со мной,

Побудь со мной!

Не уходи, побудь со мною,

Пылает страсть в моей груди.

Восторг любви нас ждет с тобою,

Не уходи, не уходи!

Восторг любви нас ждет с тобою,

Не уходи, не уходи.

Побудь со мной,

Побудь со мной!

Я присел рядом и стал подпевать, потому что этот романс я уже слышал и хорошо знал его слова.

Марфа Никаноровна призналась, что поэт Олег Туманов стал известным человеком в губернском обществе и у него появились такие знакомства, что в любой момент он может расправить свои крылья и улететь куда-то в неведомое далёко один. И она не стала ждать. Если мужчина не решается сделать первый шаг, то этот первый шаг должна сделать женщина. И она его сделала. Прыгнула с головой в неведомый для нее омут.

Контрольные работы для сдачи экзаменов по университетскому курсу были похожи на диссертации, и кроме письменного изложения материала, я еще должен был его защитить, то есть рассказать его комиссии и ответить на вопросы.

Я сам не мог поверить в то, что я способен на это, но система обучения в советском военном училище давала твердые знания по всем изучаемым предметам.

Главное, что ежедневно нам выделялось по два часа на самоподготовку к следующим занятиям. Хочешь не хочешь, а два часа сидишь в классе и повторяешь материал.

Второе. Квалификация преподавателей. Четкое изложение материала, его конспектирование и дополнительная подготовка по учебникам.

Наш преподаватель по математике был человеком либеральным и не ставил нам двоек. Если не подготовился, то в журнал ставилась точка. Набиралось пять точек и вас приглашали на дополнительные занятия, где вам предоставлялась возможность решить пятьсот примеров по математике. Можно пользоваться любыми учебниками, справочником. Главное – решить примеры. Это почище всякой самоподготовки. Пожалуй, это самый лучший метод изучения математики. Мы в уме решали дифференциалы и с лету брали третьи и четвертые производные, а потом начинали находить прелесть в математике и залезали в такие дебри, что милому преподавателю с трудом удавалось вытащить нас оттуда. Зато на госэкзамене по математике мы все примеры щелкали как орешки.

Кое-кто будет выражать сомнения в том, что пограничный офицер войск КГБ с квалификацией «общевойсковой командир» с высшим общим образованием может прекрасно знать высшую математику, не будучи, например, артиллеристом или инженером, потому что эта высшая математика на границе ему на хрен не нужна, и он будет прав. Мы сами не понимали, зачем нам эта сверх-высшая математика, математический анализ, дифференциалы и логарифмы, программирование, которые мы долбили в течение четырех лет и сдавали государственный выпускной экзамен по высшей математике, который у нас принимали профессора кафедры математики Казахского государственного университета. Просто на основе высшей математики нам давали высшее общее образование. И сразу после выпуска из училища с ромбиком бирюзового цвета с

гербом СССР и красной звездочкой под ним мы благополучно забывали эту математику и никогда не вспоминали о ней, но мне пришлось вспоминать все изученное, благо времени со дня выпуска в офицеры прошло не так уж и много.

Я не буду называть темы контрольных работ, но потрудиться пришлось усердно. Затем нужно писать стихи для заработка и научные трактаты для будущего. Я даже удивлялся себе. Откуда у меня столько сил и способностей, чтобы выдержать такую нагрузку. Вероятно, помогала близость с Марфой Никаноровной. Я знал, что в одиночку выживать в этом мире невозможно. Можно, но это будет очень трудно.

Устал от жизни беспробудной,
Все те же сцены, тот же сон,
И режиссер ужасно нудный,
И рвет пластинку граммофон.

А ночь нарочно не приходит,
Манит закатом и луной,
И мчатся в море пароходы,
И капитан идет за мной.

А как скучна ночная вахта,
И имя ей – собачий час,
Далекий слышен звон набата
И ходят беды возле нас.

Течет песком немое время,
И пуст бокал молодой любви,
А на седле ржавеет стремя
И сахар лести ядовит.

Возможно, я не в этой книге,
Ошибся полкой и был пьян,
Я дома на пиратском бриге,
И прошлое сплошной бурьян.

Такие стихи очень нравятся девушкам и томным юношам, мечтающим о путешествиях, пампасах и приключениях господина Фенимора Купера. Мне говорили, что в моих стихах есть что-то декадентское, упадническое, но вместе с тем тревожащее душу и зовущее вперед к новым приключениям. По этой причине число подписчиков газеты «Губернские ведомости» увеличилось, а театральные критики даже стали разбирать мои стихотворения и подвергать их критике, что несомненно способствовало росту моей популярности. А вот это стихотворение понравилось даже городскому голове, и он одобрительно высказался о моих литературных способностях.

Энск был столицей старинной Сибири,
Главный начальник над краем Степным,
Пышный собор осенял штаб-квартиру
И фонари тусклым светом ночным.

Пары влюбленных сидели в салонах
И танцевали в губернских балах,
Степи сгибались в восточных поклонах,
Рядом с ереями муллы в чалмах.

Завтра в театре спектакль по Шекспиру,
Гамлет, принц Датский, убийства и месть,
Плакали дамы, актерскому миру
Стол был накрыт и оказана честь:
С ними вкушал городской голова,

С орденом Анны и в вице-мундире,
После о том говорила молва,
Что для актеров построят квартиры.

Что же не скажешь красивым актеркам,
С неба луну и все звезды в букет,
Красная рыба к белым скатеркам,
И волшебство – театральный буфет.

Утром доклад, что запущена конка,
Как на чугунке – по рельсам вагон,
И колокольчик звякает звонко,
Через весь город всем людям прогон.

В десятых числах августа месяца я сдал контрольные работы в административную часть университета вместе с прошением о принятии экзаменов по курсу университета экстерном, копиями метрики и ведомости сдачи экзаменов экстерном за полный курс гимназии с похвальным листом.

Через неделю пришел ответ, что экзамен назначен на первую декаду сентября шестого числа.

Шестое сентября это же мой день рождения. Знаменательно для знаменательного события. Ну, это не в смысле, что я человек очень значительный, просто сдача экзаменов по университетскому курсу событие значительное для меня. Как у Гамлета: быть или не быть, вот в чем вопрос!

Кстати. Я не сторонник празднования этих всех дней рождений. Каждый родившийся малыш с первого дня и с первого шага упорно движется в направлении кладбища. Иного пути нет. И каждый год собираются люди, чтобы с бокалом в руке произнести панихидные речи о том, какой ты был хороший, какой ты был внимательный к людям, как тебя любили окружающие, дарят тебе всякую ненужную всячину и кричат с восторгом, что ты еще на один год ближе к

тому месту, которое называется погост, и ждет тебя там деревянный ящик и холмик сырой земли.

Вместо дня рождения нужно собирать друзей по самым разным событиям или причинам. Или просто так, потому что соскучился по ним.

Вот и мы с Марфой Никаноровной готовимся к выезду на воскресный пикник с рыбалкой и с друзьями, где я обещал сварить настоящую рыбацкую уху.

Выезд – это очень громко сказано. Просто от дома нужно пройти примерно пятьсот метров до маленькой речушки, по имени которой назван губернский город. Если еще пройти пятьсот метров вниз по течению реки, то речка впадает в большую реку, где двести с лишним лет назад высадился царский посланец подполковник Бухгольц с командой для основания крепости.

Компания у нас небольшая. Иннокентий Петрович с супругой и детьми, помощник участкового пристава Иванов-третий, Марфа Никаноровна и я. Шесть человек. Нужно наловить рыбы, почистить ее и сварить уху.

Я уже и место подобрал на реке. На спуске выкопал ямку, чтобы там получилась импровизированная печка для котелка, и наломал сухих веток для костра.

Глава 15

Воскресный выход получился на славу. В мастерской отца Марфы Никаноровны я смастерил легкую тележку из ореховых брусков и небольших колесиков от детских колясок на резиновом ходу.

Использовать ореховые бруски для такого дела, конечно, расточительно, но я же не краснодеревщик и не собирался заниматься изготовлением мебели в будущем, а эти бруски требовали минимальной обработки рубанком, чтобы они стали изящными и круглыми.

К тележке я прикрепил высокую брезентовую сумку, которую мы по случаю купили на блошином рынке недалеко от Казачьего собора.

В сумку мы положили котелок, лук, чеснок, специи, бутылку засургученной водки, бутылочку вина для дам, ложки, вилки, тарелки, кружки, другие продукты, обязательный плед, летний зонтик, чтобы Марфа Никаноровна не обгорела на солнце, и все это легко перевозилось на тележке, не обременяя нас тяжестью всего приготовленного.

К месту встречи мы прибыли практически вовремя. Моя тележка привела всех в восторг, а мужчины начали отпускать шуточки по поводу того, что я смогу хорошо зарабатывать на перевозке товаров, покупаемых любителями на неделю впрок.

Каждый попробовал везти мою тележку и отметил, что это намного удобнее, чем тащить корзину с припасами в руках.

Место для пикника было выбрано удачно и там не было большого наплыва отдыхающих, хотя вокруг уже разместились несколько семейных компаний.

Я быстро собрал свою бамбуковую удочку, купленную в магазине для охотников, и пошел удить рыбу. Надо сказать, что в те времена не было такой лески, какая есть сейчас. Синтетические лески появились за границей только в 1935 году, а я купил прочную плетеную леску из белого конского волоса. Относительно прочную. Там были лески из конского волоса машинного кручения, но они были менее прочные. Были лески из крученого шелка, но тех хватало на одну-две рыбалки. Зато крючки были неплохие.

Удочку я настроил на донный вариант ловли, когда свинцовый груз удерживает леску на одном месте, а поводок с наживкой болтается на течении и привлекает рыбу.

Надо прямо сказать, что раньше рыбы в реке было больше и она была крупнее. Это мы половили всю рыбу в реках и потравили ее всякими гербицидами и отходами промышленных предприятий. Раньше и промышленности было меньше, и химии всякой почти не было, разве что бытовые отходы из туалетов выливались куда-то, я не уточнял куда, но мимо рек они не проходили и не в черте города, это не всеобщая канализация.

Ко мне подошли, дымя папиросами, Иннокентий Петрович и Иванов-третий.

– Так-так, – сказали они, – осваиваем дедовские методы добывания пропитания из сибирских рек?

И тут у меня удочку дернуло. Подсечка – и я ловко вытащил крупного чебака, граммов на двести. У моих компаньонов даже глаза заблестели.

Обновив наживку, я снова забросил удочку, и поклевка не заставила себя ждать. Я почувствовал, что леска начала уплывать, как будто кто-то поднял ее со дна и течение подхватило. Такими проделками отличаются лещи и караси. Сделав подсечку, я с трудом вытащил большого леща. Тут и количество зрителей за моей спиной удвоилось.

За последующие десять минут под аплодисменты я поймал небольшую щучку и крупного чебака. Все, хватит, рыбалку нужно прекращать, да и не забывать рыбалку позднее, как необходимый приварок для нашего с Марфой Никаноровной стола.

Прямо на берегу я почистил рыбу, выбросив отходы в реку на прокорм хищных рыб.

Нарезанную рыбу на тарелке отнесли к нашему столу, а я с котелком воды пошел к импровизированной печке и разжег приготовленный костерок.

Рыба готова для приготовления. Вода на огне. Быстро почистил лук, почистил картофель, отправил Иннокентия Петровича мыть его. Иванов-третий сообщил, что вода закипает. Отлично. Взял рыбу и специи и пошел к котелку. Посолил воду, бросил специи и, как только закипела вода, опустил туда рыбу. И еще напоминание. Обязательно удаляйте жабры рыб. Это как фильтры, через которые фильтруется речная вода.

Рыба будет вариться минут пятнадцать. Как только побелеют глаза, будем выкладывать рыбу на большую тарелку. Картофель и морковь я нарезал мелко, чтобы быстрее сварилась. Не верьте никому, что нужно резать картофель крупно. Это только для лентяев.

Во время варки я как заправский повар сновал туда и сюда, проверяя, как все накрыто на столе. А на столе кроме ухи было вполне достаточно всякой снеди.

Сняв готовую уху с огня, я взял одну горящую головешку и пошел с нею к столу. На виду у всех я погасил головешку в ухе, а затем влил в уху граммов пятьдесят водки.

Уха была оценена на пять баллов. Мы выпили по рюмочке водки и поели ухи. Я тоже ел ее с огромным удовольствием, как будто сто лет не ел.

Кстати, вы думаете, что я гасил головешку в ухе и лил туда водку для аромата? Ничуть не бывало. Это делается для того, чтобы уничтожить запах речной тины от воды и от рыбы.

Также никто не знал, чем отличается уха от рыбного супа. Все очень просто. Если на столе есть водка, то из рыбы получается уха, если водки нет, то это рыбный суп.

Иннокентий Петрович спросил меня, не помню ли я, где так ловко научился чистить рыбу, картофель, овощи и где научился рыбалке?

Говорить правду я не стал и врать тоже, поэтому и сказал, что не помню, но это умение не является лишним для жизни человека.

После ухи я сообщил, что экзамен по университетскому курсу назначен на шестое сентября и что мне сейчас будет нужна удача и поддержка моих друзей.

Иннокентий Петрович как постоянный оптимист сказал, что он нисколько не сомневается в успешности сдачи мною экзаменов, но вот куда далее меня поведет стезя с университетским значком на груди?

Я сказал, что думаю попробовать себя на военном поприще, так как военная служба это самая уважаемая и почетная служба, хотя и сопряженная со многими опасностями, но разве мы даже здесь защищены от этих опасностей?

Я сидел с разделочным ножом Иванова-третьего в руках, которым только что нарезал ветчину. Внезапно мое внимание привлек молодой человек, довольно высокого роста и чахоточного вида с рукой в правом кармане брюк, который напрямую шел к нам с явно недобрыми намерениями.

Иванов-третий курил в сторонке, чтобы дым не попадал на дам и на детей, и стоял вполоборота к нам и вполоборота к неизвестному человеку. Он как бы участвовал в общем разговоре и мельком видел идущего к нам человека. Шагах в семи молодой человек остановился, выхватил из кармана револьвер и закричал, целясь в Иванова-третьего:

– Именем российской социал-демократической рабочей партии...

И тут я метнул в молодого человека нож, зная его центр тяжести и примерно рассчитав, сколько оборотов сделает нож перед попаданием в цель.

Нож как-то легко вонзился в грудь террориста, и он упал, не успев сделать выстрела. Иванов-третий и я метнулись к злоумышленнику. Я прижал ногой к земле руку с револьвером, а Иванов-третий достал из кармана миниатюрные японские бронзовые наручники, которые надеваются на большие пальцы, и надел их на преступника.

Иннокентий Петрович осмотрел раненого и определил, что, в принципе, рана опасная, но если не трогать нож, то можно успеть доехать до больницы и оказать ему медицинскую помощь.

Наш полицейский друг вышел на городскую улицу и поймал извозчика, на котором приехал к нам минут через десять.

Мы погрузили раненого на извозчика, Иванов, Иннокентий Петрович и Марфа Никаноровна поехали вместе, а я остался с женщинами и детьми.

Все были в шоке. Я налил женщинам вина и налил себе водки. Я умел стрелять, знал навыки рукопашного боя с винтовкой, рубки шашкой, но мне ни разу не приходилось применять военные навыки в отношении живых людей. Все получилось быстро и механически, и только сейчас ко мне стало приходить осознание того, что я мог убить живого человека.

Посидев еще немного, мы сполоснули в реке использованную посуду, собрали вещи и погрузили все на мою тележку, освободив всем руки. Выйдя на городскую улицу, я нанял извозчика и развез по домам женскую половину компании.

Со слов Марфы Никаноровны, я оказался мастером на все руки. Она слышала, что в военных училищах будущих офицеров учат какому-то ремеслу, чтобы офицер не был беспомощным ребенком в трудной ситуации.

Ручная тележка, сделанная мной из тонких деревянных брусков орехового дерева, стала просто незаменимой помощницей в выходах на рынок и в выездах на пикники, не отягощая руки разным имуществом и продуктами.

Кроме столярного мастерства, я оказался удачливым и умелым рыбаком. А во время последнего пикника метнул нож в террориста, покушавшегося на полицейского чиновника Иванова-третьего. Хорошо, что рядом была она с Иннокентием Петровичем, и они успели спасти преступника для последующего допроса и наказания за преступление.

Глава 16

Марфа Никаноровна вернулась домой к вечеру.

– Революционер будет жить, – сказала она. – Нож достали, еще немного и не было бы необходимости доставать его операционным путем. Ты раньше умел метать ножи?

Я пожал плечами, вспоминая, как мы тренировались в метании штык-ножей от автомата. Они не были приспособлены для метания и иногда ломались, но это была наша инициатива и мы нашли книги, которые разъясняли технику метания ножей. Любое умение всегда когда-нибудь пригодится. Я вспомнил старую пепельницу, которая стояла на комод у моей тетки. Пепельница была дореволюционная, на ней с ятями был нарисован ребус, который читался так: «Ремесло не коромысло, плеч не оттянет, а само в рот протянет». Так и военное ремесло особо-то и не отличается от другого ремесла. Не брось я нож, то оперировали бы Иванова-третьего, и не факт, что он бы выжил после стрельбы в него из револьвера с близкого расстояния.

– Мне приходилось ассистировать в операциях, – сказала Марфа Никаноровна, – но это все люди чужие мне, пострадавшие неизвестно где, то есть прямо не

имеющие ко мне отношения, но здесь я была не только медицинская сестра, но как непосредственный участник боя, в котором пострадал человек, несший нам зло.

– Успокойся, – сказал я, – на нашем веку будет не одна война и к этому нужно привыкать. А это был не бой. Просто так, стычка. Мы сейчас допьем вино с ветчиной, а потом я заварю чай с пустырником, и ты завтра ничего не будешь помнить.

На следующий день пришел Иванов-третий с благодарностью за чудесное спасение от террориста и сказал, что на завтра меня приглашает к себе полицмейстер полковник Грудинин Павел Иванович.

– Ты не задумывался над тем, почему именно на тебя было направлено покушение? – спросил я. – Без обиды, но ты не настолько важное должностное лицо, как, например, полицмейстер или участковый пристав. Почему именно тебя хотели застрелить именем РСДРП?

– Я просто не даю спуска этим социалистам, – гордо сказал Иванов-третий. – Меня каждая социалистическая собака знает, мою методику проведения обысков они будут помнить всю жизнь.

– То есть ты бьешь людей с социалистическими взглядами направо и налево и из принципа ломаешь людям жизнь и имущество? – спросил я.

– Ну, не из принципа, а из мести, потому что они хотят, чтобы какой-нибудь ремесленник был равен мне, – возмущался Иванов-третий. – А они, понимаешь ли, хотят разрушить весь мир насилья до основания, а затем построить мир, где всем станет тот, кто был ничем. Как это можно допускать?

– А ты не пробовал из песни убрать слово «насилья»? – спросил я. – Мне кажется, что оно здесь самое главное. А еще там есть весь мир голодных и рабов. Ты не думал, что если убрать насилие, голодных и рабов, то никакой мир разрушать не надо? Тогда нужно строить хорошую и красивую жизнь для всех людей.

– Как-то не задумывался над этим, – признался мой полицейский приятель. – Я человек подневольный, что прикажут, то и делаю.

– И ты останешься во всем виноватым, потому что это ты делаешь, – сказал я, – а те, кто отдавал тебе приказы, скажут, что это твоя инициатива, а они не приказывали тебе это делать. Ты же не приложишь к материалам суда, если таковой состоится, вернее, если тебе дадут дожить до него, их слова или бумажку с приказом избивать задержанных и ломать у них домашнюю утварь. Есть у тебя такая бумажка?

– Что-то ты как социалист говоришь? – подозрительно спросил Иванов-третий. Сразу видно, что полицейские бывшими не бывают и что полицейский – это навсегда, как проказа. – Может, и ты книжечки подпольные почитываешь?

– Тебе бы тоже не помешало книжечки подпольные почитать, – сказал я, – и называются они просто «История». Там подробно описывают революции в Англии и Франции, гражданскую войну в Американских Соединенных штатах. Я уже не говорю о физике с третьим законом господина Исаака Ньютона.

– А Ньютон-то здесь при чем? – удивился третий Иванов.

– А третий закон Ньютона в физике гласит, что сила действия равна силе противодействия. Чем сильнее ты бьешь задержанных, тем сильнее это аукнется на тебе и на твоих близких. Не забывай и о них. И помни, чем сильнее ты бьешь лбом в дубовую дверь, тем сильнее у тебя болит голова. Я не Кассандра, но сдается мне, что все, что было в 1905–1906 годах, это только цветочки, так, разминка перед большими событиями. Ладно, во сколько мне прийти к полицмейстеру? И учти, если хочешь донести на меня, то делай это сразу и не медли ни секунды, потому что каждая минута промедления пойдет не в зачет тебе в Третьем отделении Канцелярии Его Императорского величества.

– Да ты что, Олег Васильевич? – захохотал полицейский. – Да я, да на тебя, да ты мне жизнь спас, да еще при моих детях... Складно ты говоришь, подумать мне надо. Много ты вопросов назадал, а ответы мне самому придется искать.

На следующий день в девять часов до полудня я был в приемной у полицмейстера. У него как раз шло совещание участковых и станowych приставов губернского центра. Дежурный офицер, взглянув на часы, пригласил меня пройти в кабинет полицмейстера.

Полицмейстер встретил меня у дверей, взял под руку и представил собравшимся полицейским офицерам:

– Вот он наш герой. Обезвредил известного террориста, спас жизнь офицера полиции и проявил при этом незаурядную храбрость. Прошу высказаться, господа, как нам поощрить героя, который известен своим литературным даром и является достаточно известным лицом в нашем городе.

С мест посыпались предложения: выписать мне похвальный лист, наградить серебряными часами, дать денежную премию, наградить георгиевской медалью «За храбрость» за спасение офицера.

– Спасибо, господа, – сказала полицмейстер, – я тоже считаю, что за спасение офицера и проявленную храбрость господина Туманова нужно наградить медалью «За храбрость» на георгиевской ленте, о чем будет составлена реляция на высочайшее имя. А вы, господин Туманов, не хотели бы служить в полиции?

– Благодарю вас за лестное предложение, господин полковник, – ответил я, – но я готовлю себя к военной службе. Всю жизнь мечтал об этом.

– Похвальное желание, молодой человек, – сказал полицмейстер, бывший гвардейским полковником и постоянно носившим гвардейский мундир, – мы еще встретимся на вручении вам медали генерал-губернатором Степного края.

Я четко сделал поворот кругом и так щелкнул каблуками, что этому могли бы позавидовать и вояки со стажем. Четыре года в училище учились делать повороты со щелканьем каблуков.

Лишняя известность мне не мешает, особенно при сдаче университетского курса.

И что-то мне сильно везет в последнее время. То ли судьба заглаживает свою оплошность, забросив меня сюда, то ли я иду по правильной дорожке, особо не кривя душой, то ли действительно есть Бог, и он мне послал ангела-хранителя, направляющего меня по стезе к великому.

«Перестань наполеониться, – сказал я сам себе. – Просто ты в безвыходной ситуации и тебе нужно выжить в чуждом для тебя мире. Даже в близком для тебя мире тебе тоже нужно было выживать и колебаться вместе с генеральным курсом Коммунистической партии, чтобы не быть растоптанным красным колесом. Партбилет-то твой тью-тью вместе с удостоверением личности. Похоже, что они остались там, а ты здесь. Ворам эти документы ни к чему, они их выкинут в урну. Дворники их найдут и сдадут в милицию. Милиция донесет в комитет госбезопасности, комитет будет считать тебя шпионом и объявит в розыск. Потом, лет через пять, при отсутствии информации занесут в список без вести пропавших. Так что надеяться не на кого, нужно прокладывать путь самому, опираясь на тех людей, которые встречаются по пути».

Марфа Никаноровна сказала, что она, наконец, окончательно убедилась в том, что я действительно военный человек и уже сталкивался с врагами, и меня не будет мучить совесть за причиненное зло человеку, являющемуся врагом. Но она еще поняла, что я противник насилия и сторонник решения проблем путем переговоров и достижения консенсуса по спорным вопросам. Возможно, что я внутренний нигилист или социалист, симпатизирующий революционным элементам, призывающим к уничтожению самодержавия.

Глава 17

Чем дальше я углубляюсь в жизнеописание его благородия, тем сильнее у меня чувство того, что человек уже прожил одну жизнь и сейчас проживает вторую, внося в нее коррективы в соответствии с существующим положением. В любой жизни нужно выживать, а в нашей жизни общество делится на жертвы и злодеев, и нужно сделать так, чтобы пасть злодея сомкнулась не на твоей шее. Все как в тюрьме: умри ты сегодня, а я умру завтра. Чтобы выжить, люди объединяются в шайки, банды, сообщества, коллективы, общества и партии. И внутри этих образований ранее упомянутые законы действуют так же, как и вне их.

Сверяясь с моими зашифрованными записями, его благородие прочитал мне целую лекцию по шифрованию текстов.

Основной способ – использование решетки Кардано. Рисуется квадрат из четырех строчек и четырех столбцов. Получается шестнадцать квадратиков, четыре на четыре. Второй, пятый, седьмой и шестнадцатый квадратик вырезаются. Получившуюся решетку накладывают на бумагу и в свободные клетки вставляют буквы слов. При заполнении клеток решетку поворачивают вправо или влево на девяносто градусов и продолжают писать текст в свободных клетках. Так поворачивают четыре раза и все шестнадцать клеток оказываются заполнены буквами, которые поодиночке не обозначают ничего. Но если мы на эти буквы накладываем решетку, то бессистемные буквы превращаются в осмысленные слова. Такие шестнадцати-буквенные блоки могут размещаться один за другим или в определенном писавшим порядке.

– Не сиди истуканом, – сказал его благородие, – возьми рабочую тетрадь и делай пометки, а эти цифры запомни, как «Отче наш», чтобы читать свое записанное без всяких табличек: три, шесть, десять, шестнадцать, двадцать, двадцать два, двадцать пять, двадцать восемь, тридцать, тридцать четыре, сорок, сорок три, сорок пять, сорок девять, пятьдесят пять, пятьдесят восемь, шестьдесят. Это для решетки Кардано размером восемь на восемь клеток. И запомни, что то, что будешь записывать, может обернуться большими неприятностями в первую очередь для тебя. Поэтому думай, что будешь писать, а, возможно, что ты еще будешь моим биографом и в серии «Жизнь замечательных людей» выпустишь книгу обо мне. И сегодня же зайди в лавочку и купи себе широкий галун полкового писаря. Или этот галун уже давно у тебя закуплен? Я подал представление о присвоении тебе чина фельдфебеля, ну, а раз ты нестроевой, то будешь полковым писарем. А там, глядишь, и в подпрапорщики выйдешь или по статской линии пойдешь. Но на статскую службу я тебя не отпущу и начну с тобой заниматься для сдачи экзамена на подпрапорщика. Но это еще не скоро. Всему свое время.

Надо же, как глубоко глядит, как будто знает, что у кого впереди будет. А зря я тогда не попросил его научить меня метать ножи. Да кто тогда знал, что он это умеет.

Мои записки, конечно, не такие подробные, как записи его благородия, но постараюсь что-то добавить к изложенному. Вон, Марфа Никаноровна свои мнения тоже дописала, как бы со стороны посмотрела на то, что происходило.

Прочитывая записи его благородия, я начал вспоминать то, что мне казалось тогда второстепенным или странным и не имело никакого значения.

– Потом ты будешь сам составлять свои решетки Кардано по ширине страницы, – говорил господин капитан. – Это очень просто. У тебя будет с десяток решеток, а потом люди поймут, что эти решетки являются прототипом перфокарты, то есть карточки, которая будет хранить огромный объем информации для ее обработки на электронно-вычислительной машине.

Сейчас, когда ЭВМ стали повседневной обыденностью для ученых, можно сказать, что его благородие что-то знал о будущем или просто предвидел его.

Время, когда я стал служить у его благородия, было тревожное. Совсем недавно были подавлены революционные выступления в Москве. По всей России полыхнуло пламя недовольства после японской войны. Народ озлобился, а солдаты, ехавшие с Маньчжурского фронта, вообще дезорганизовали Транссибирскую железнодорожную магистраль. Потом поехали бывшие военнопленные моряки с крейсера «Варяг». Морды откормленные, пьяные, наглые, они так бы воевали за честь России, как они хулиганичали в поездах. Я был тогда молодым солдатиком, но многое слышал от старослужащих и от тех, кому довелось услышать жужжание пуль японских «арисак». Про «Варяг» вообще много странного говорили. Будто не было никакого песенного боя, а так, перестрелка, после чего крейсер затопили прямо в корейском порту, поэтому почти весь экипаж живой и остался. После того, как нашу эскадру разгромили под Цусимой, нужны были герои, вот и взяли героев с «Варяга». Говорят, что взяли какую-то немецкую песню, перевели ее, вот и стали моряки в пьяном угаре со слезами на глазах распевать: «Товарищ, я вахту не в силах стоять, сказал кочегар кочегару, котлы в моей топке совсем не горят, в котлах не сдержать больше пару». Потом вообще оказалось, что наши моряки с «Варяга» на иностранных судах были доставлены в Одессу и оттуда поездом приехали в Петербург. Не иначе как про дебоши варяговцев на Транссибирской магистрали рассказывали социал-демократы.

Народ наш особенный. Как по сусалам получит, так на начальство начинает вызвериваться, а не на врага. Да жизнь-то у народа была такая, что хоть волком вой, хоть в сырую землю ложись. То печенег с половцами, то монголы с татарами нас грабили, то потом в рабство к помещикам угодили. Когда Наполеон пришел, то все думали, что он от рабства-то и освободит. Ан нет, такой же рабовладелец оказался. А когда армия наша пришла во Францию, так солдатики толпами начали разбегаться в разные стороны, вот армию поскорее и вывели из-за границы. Говорят, тысяч пятьдесят в бега подались, французами стали. Моего прадеда старший брат тоже во Франции дезертировал, а вот брат с

ним не пошел. Сейчас где-нибудь в винограднике своем сидит и вино попивает.

Глава 18

Августа 29-го дня ко мне прибыл жандарм и передал записку от начальника жандармского управления подполковника Скульдицкого Владимира Ивановича посетить его тридцатого числа в десять часов до полудня.

Я расписался в записке, и жандарм отбыл восвояси.

Компромата на меня никакого нет. Про геройский поступок прописано в газете «Губернские ведомости». Сейчас и я стал мишенью для социалистов. Надо же, с десяти шагов проткнул ножом исполнителя социал-демократических приговоров. Террорист выжил и находится под следствием. Мог настучать Иванов-третий. Ну и что? Никакой крамолы не было, просто призыв к сдержанности в отношениях с людьми. Ладно, пойдем, узнаем, что и как.

После жандарма прибыл курьер из канцелярии генерал-губернатора с письменным уведомлением о необходимости сентября первого числа прибыть в канцелярию в кабинет номер один в четыре часа после полудня, одежда – вицмундир с орденами и шпагой. Расписался. Вицмундира и шпаги нет, чинов и орденов тоже нет. Надену строгий костюм, благо недавно купили вместе с Марфой Никаноровной, белую рубашку и галстук черный, повязанный виндзорским узлом. Или одену? Правильнее будет – надену. Есть такое старое грамматическое правило: одеть Надежду и надеть одежду.

К начальнику жандармского управления я прибыл вовремя. Не люблю опаздывать. Опоздания могут быть вызваны только обстоятельствами непреодолимой силы. В остальных случаях уважающий себя человек должен делать все точно по расписанию. Если уважаешь сам себя, то будешь уважать и других.

Подполковник Скульдицкий, шатен среднего роста и среднего возраста, в жандармском мундире, погонах с голубыми просветами и шпорами на сапогах, как признак принадлежности к кавалерии, встретил меня радушно.

Распорядился принести чай и усадил за приставной столик к огромному письменному столу, за которым висел в полный рост портрет самодержца Российского Николая Второго.

Заметив мою улыбку, подполковник спросил:

– Что вас развеселило? У меня что-то не в порядке с мундиром?

– Что вы, ваше высокоблагородие, – сказал я, – мундир безукоризнен, просто вспомнился поручик Лермонтов Михаил Юрьевич.

– Ну, естественно, – засмеялся подполковник, – «и вы, мундиры голубые, и вы, послушный им народ». И мы вообще злодеи под синими мундирами. Перестаньте титуловать меня благородиями, называйте просто по чину или по имени-отчеству Владимир Иванович. А что вы скажете о социал-демократах?

– Вы выпустили джинна из бутылки и сейчас думаете, как его упрятать обратно, – сказал я, – но эта задача невыполнимая. Действовать нужно было тогда, когда господа Маркс и Энгельс писали «Манифест коммунистической партии». Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма, и что пролетариату нечего терять кроме своих цепей. Тот же господин Маркс в своей работе «Капитал» расписал, что нужно делать, чтобы избежать социальных потрясений, но его проигнорировали как городского сумасшедшего и в ответ получили социал-демократию. Выход Манифеста совпал с революцией во Франции. Французам пришлось воспользоваться советами господина Маркса, и они создали более или менее стабильное общество, у которого есть пути для совершенствования. Россия пошла по своему пути, получила воскресенье 1905 года, баррикады на Пресне и социал-демократию. А все могло быть по-другому. Сейчас господин Столыпин старается пойти по пути Маркса в сельском хозяйстве, но у него вряд ли получится что-то дельное, так как много препятствий на его пути. Как-то вот так, господин подполковник.

Скульдицкий сидел молча, что-то обдумывая, потом сказал:

– Что вы чай не пьете, любезный. Специально для вас финики из Ирана. Сахарные, говорят, для сердца очень полезно. Древние их очень любили. Они были их основным питанием вместе с лепешками, смоквами или фигами, поэтому пророки были мудрыми, не то что мы. А откуда вы все знаете про социал-

демократов?

– Человек существо любопытное, – сказал я, – многие люди живут, засунув голову в песок, люди решающие не видят дальше своего носа, богатые боятся поделиться, а в результате теряют все, бросив низы расхлебывать то, что они заварили.

– И что же нужно делать? – спросил Владимир Иванович.

– Ничего, – просто сказал я. – Тогда дольше продлится период существования самодержавия. Если что-то делать, то увеличится число социал-демократов, которых поддержат националисты, и час «X» придет намного быстрее. А это развал России, гражданская война и все сопутствующие с ними болячки. И все потому, что социал-демократы обещают построить общество равенства и счастья для всех, а за мечту не страшно и погибнуть. Напомню господина Маркса – пролетариату нечего терять, кроме своих цепей. А что народу может предложить самодержавие? Только то, что есть уже на протяжении почти что трехсот лет. И чем сильнее давить на людей, тем больше будет социал-демократов даже из числа тех, кто раньше никогда не думал об этом, но оказался кровно обиженным властью. Я, кажется, наговорил лет на десять каторги? Ваш стенографист успел записать всё? Могу повторить на бис.

– Опасный вы человек, Олег Васильевич, – сказал Скульдицкий. – Нам такие понимающие люди в жандармерии нужны как воздух, но с нас требуют количество арестованных заговорщиков, бунтарей и террористов. И требуют во все возрастающей прогрессии. И что прикажете делать? Приходится хватать непричастных или сочувствующих.

– Повышение уровня жизни и грамотности людей сведет на нет всю пропаганду социал-демократов, – сказал я, – зажиточные крестьяне будут вылавливать их с вожжами и оглоблями, и о революции можно будет забыть если не навсегда, то на долгие годы, подкручивая маховики общества. Я отказался от службы в полиции, откажусь и от вашего предложения, как Колобок, чтобы не навлечь на вас неприятности от начальства за нового сотрудника с вольтерьянскими взглядами. Пойду в военную службу, если жандармское управление не перекроет дорогу.

– Управление дорогу не перекроет, – сказал Скульдицкий, – хотя удивляют ваши энциклопедические знания и осведомленность о том, о чем в губерниях мало знают и мало этим интересуются. Только не говорите ни с кем о том, о чем говорили мы. Нам можно и нужно знать всю подноготную противника, с кем мы боремся. А вам лучше держать это при себе. Кстати, сколько нам отпущено, что ваше подсознание говорит?

– Думаю, что лет десять есть, – сказал я, – но велика вероятность войны за передел мира и за Черноморские проливы со Святой землей.

– Всего доброго, – сказал на прощание начальник жандармского управления, – будут проблемы, обращайтесь, а первого сентября я буду на вручении вам медали.

Глава 19

Первого сентября я, одетый по моде того времени, в строгом костюме шествовал в резиденцию генерал-губернатора, которая находилась через дорогу от кафедрального Храма-на-крови.

Было первое сентября, но нигде не было видно нарядно одетых первоклашек с букетами цветов и не было никакого праздника, названного Днем знаний. Обыкновенный рабочий день, и учеба это такая же работа, как и все, а на работу никто не ходит как на праздник.

От дома до резиденции генерал-губернатора примерно два километра. По нашей улице извозчики сами не ездят, надо выходить на проспекты.

Люди того времени не гнушались пройтись пешком к месту присутствия и обратно. Брать извозчика дороговато, а другого транспорта нет и в помине. Конку вот запустили, но она едет по центральной улице до вокзала, а межквартальные дороги такие, что не приведи господь. Летом пыльно и грязно. После дождя грязюка непролазная. Хорошо, если где-то тротуары дощатые проложены, а дороги постоянно телегами разбитые.

Я был настолько сосредоточен, что встретившаяся возле Храма-на-крови старушка осенила меня крестным знаменем. Я приветливо кивнул ей и пошел дальше.

Так, с думами о насущном я и добрался до резиденции генерал-губернатора, расположенной почти в самом начале торговых рядов на Любинском проспекте.

Большое серое здание с колоннами и огромными дверями пугало каждого проходящего мимо здания человека, как будто вот эти огромные двери сами распахнутся и проглотят осмелившегося появиться здесь человека. Но в двери входили и выходили чиновники, офицеры, респектабельные господа, люди в киргизских халатах и у всех было какое-то дело, без решения которого жизнь могла просто-напросто остановиться.

В большом вестибюле справа был огромный гардероб с огромным и бородатым швейцаром в ливрее, несмотря на то что на улице было тепло и морозов в ближайшее время не ожидалось.

Прямо перед входом на две лестницы стоял стол дежурного офицера в чине поручика с золотыми аксельбантами.

Я подошел и представился. Офицер посмотрел в журнал, сделал пометку и сказал, что меня ждут в кабинете номер один на втором этаже, и он рукой показал на одну из лестниц.

В приемной генерал-губернатора был еще один адъютант в чине штабс-капитана. Как-никак, а генерал-губернатор – это как высший военный и гражданский начальник над несколькими губерниями, входившими в генерал-губернаторство. Этаким президент, но подчиняющийся императору.

Ровно в четыре меня пригласили в кабинет. Там уже были полицмейстер и начальник жандармского управления. Вероятно, докладывали о состоянии дел на вверенных участках.

В то время степным генерал-губернатором под номером четыре был генерал от инфантерии Надаров, участник русско-турецкой и русско-японской войн. Имел целый букет должностей. Степной генерал-губернатор, командующий войсками Энского военного округа и наказной атаман Сибирского казачьего войска.

– Так вот он какой, герой, – сказал генерал, осматривая меня со стороны. – Вот такие и били японцев, и если бы не некоторые обстоятельства, то японскому микадо сильно бы не поздоровилось. Подойдите поближе.

Я сделал несколько шагов вперед и громко щелкнул каблуками. Школа, однако.

Генерал взял со стола серебряную медаль на георгиевской ленточке с бантом и приколот мне на грудь.

– Поздравляю с высокой наградой! – сказал он и встал по стойке «смирно». Полицейский и жандарм последовали его примеру.

– Служу царю и Отечеству! – так же громко ответил я.

– Орел, – сказал генерал-губернатор. – Мне сообщили, что вы желаете пойти служить по военному ведомству.

– Так точно, ваше высокопревосходительство, – подтвердил я. Если представилась возможность, то нужно произвести впечатление.

– Кем же вы хотите стать? – спросил генерал.

– Естественно, офицером, – сказал я.

– Чтобы стать офицером, нужно долго учиться. Уметь командовать взводом, ротой, уметь читать карту, ориентироваться на местности, хорошо стрелять из всех видов оружия, рубить шашкой, служить в конном строю.

– Я все это умею, – сказал я.

– Умеете? – удивился генерал Надаров. Не менее удивленными выглядели и два полковника из полиции и жандармерии. – Подойдите сюда, – и он пригласил меня к столу.

На столе лежала карта Степного края в составе Tobольской и Томской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей. Большая карта. Генерал достал из

стола лист другой карты масштаба 1:50 000, то есть в одном сантиметре на карте укладывалось пятьсот метров на местности.

– Вот карта, – сказал генерал. – Вы командир казачьей сотни и находитесь вот здесь. – Он поставил точку красным карандашом. – Вам нужно прибыть вот сюда, – он поставил вторую точку на карте. – Время на прибытие четыре часа. Покажите маршрут и составьте график движения сотни.

Генерал явно хотел ткнуть меня носом как выскочку, которому внезапно повезло.

Местность по карте холмистая лесостепь. С обходом лесных массивов длина маршрута составляет двадцать километров. Для измерения я использовал карандаш и измерительную линейку в нижней части листа карты. Неплохо бы иметь курвиметр (это не прибор для измерения курв, а такая машинка с колесиком и циферблатом, как у часов. Когда колесико вращается, то вместе с ним вращается циферблат, показывая количество отмеренных миллиметров и верст на местности), но при отсутствии простой бумаги пишут на гербовой.

Поставив на карте пять точек, я соединил их линией и сообщил о готовности доложить график.

– Докладывайте, – разрешил генерал.

– Докладываю, – начал я. Тут нужно не рассусоливать, а говорить четко и по существу. – Маршрут проложен по границам лесных массивов, проходимых в конном строю. Длина маршрута двадцать километров. В голове колонны конный разъезд на удалении зрительной видимости. Аллюр – рысь. Тридцать минут движения, десять минут привал. Выход в точку назначения через четыре часа. Доклад закончен.

– Поразительно, – сказал генерал. У полицейских полковников были не менее удивленные лица. Вроде бы они знали обо мне все и это докладывали генералу, но оказалось, что они вообще ничего обо мне знали. – Откуда вы все это знаете?

– Не знаю, ваше высокопревосходительство, – ответил я.

– Был найден с полной потерей памяти, – доложил начальник жандармского управления, – сейчас, вероятно, память возвращается. Экстерном сдал экзамены за полный курс гимназии. Шестого числа сентября сдает экзамены за полный университетский курс.

– Так-так, – задумчиво сказал генерал Надаров, – статские тут будут крутиться и сразу предлагать ему чин десятого класса по Табели о рангах, коллежского секретаря, а это почитай, как армейский поручик. А мы поступим так. Я дам команду записать его вольноопределяющимся в учебную команду в здешнем кадетском корпусе у генерал-лейтенанта Медведева Александра Ардалионовича. Я ему отпишу. Дадим возможность все вспомнить и произведем в офицеры. Это все равно лучше, чем штафиркой с бумажками бегать.

Глава 20

Я возвращался домой, сверкая новенькой медалью на выходном костюме. В те времена награды ценились, и часто можно было встретить чиновника или офицера с орденами и медалями на груди. В послереволюционной России это еще сохранялось до пятидесятых годов, а потом ношение наград стало уж каким-то неприличным. Военные носили разноцветные планочки, а гражданские и планочек не носили.

Перейдя с проспекта на улицу деревянных домов, я заметил, что за мной идут два молодых человека, которых я видел недалеко от резиденции генерал-губернатора. Почему они бросились мне в глаза? Потому что они ничего не делали, а чего-то выжидали. Не ждали, а именно выжидали. У выжидающего есть внутренняя дрожь перед броском.

«Похоже, что социал-демократы не оставляют меня своим вниманием, – подумал я, а идущий навстречу третий мужичок, с внутренней дрожью, утвердил меня в моих предположениях. – Соцдеки всегда шли на союз с социально близкими, то есть с криминалом и люмпен-пролетариатом. Похоже, что придется доказывать, что медаль мне сегодня вручали не зря».

Я ускорил шаг навстречу идущему мне соцдеку, чем привел его в некоторое замешательство, выразившееся в том, что он стал вытаскивать из кармана

оружие, но револьвер зацепился курком за карман и никак не хотел вылезать наружу. Подбежав вплотную к террористу, я сбил его с ног и вытащил его револьвер. Два подельника лежавшего на земле соцдека бросились ко мне, но я был уже вооружен.

Револьвер Нагана солдатского образца, который нужно было взводить перед каждым выстрелом. Я сделал предупредительный выстрел вверх, но это не остановило нападавших. Тогда я выстрелил самому здоровому в грудь, а второму прострелил ногу. Он лежал неподалеку от меня и громко завывал. Сбитый мною с ног революционер пытался вырваться и что-то кричал.

Наконец раздались свистки, и ко мне со всех ног бежал городской с погончиками старшего унтер-офицера и гом-бочками среднего разряда, а с другой стороны бежали два вооруженных палками дворника с бляхами на груди. По должности они были помощниками околоточных надзирателей и отвечали за соблюдение порядка на обслуживаемой ими территории.

Городовой ловко связал удерживаемого мною революционера, а я перевязал раненного в ногу налетчика. Третьему помощь уже была не нужна. Все трое были вооружены револьверами и могли совершить вооруженное нападение без всяких театральных эффектов: подойти вплотную и выстрелить. Револьвер гильзы не выбрасывает и вряд ли кто-то бы нашел убийцу. Это уже потом начнется эпоха киллеров, профессионалов и любителей, работающих убийцами за деньги.

Похоже, что в городе действует хорошо вооруженная боевая дружина революционеров. Вот вам и снижение революционной активности после событий 1905 года.

Кровавое воскресенье показало, что с властью невозможно договориться, что «добьемся мы освобождения своею собственной рукой». Идея построения общества счастья сильнее других идей, и молодежь готова идти на жертвы, чтобы их дети жили в таком обществе.

Все знают, что город Солнца – это утопия, красивая сказка, которая разбивается при соприкосновении с реальной жизнью. Это как с женщиной. Она красивая, воздушная, умная, ангел и все такое прочее. Пусть не женщина. Пусть это будет мужчина. Он такой весь сильный, накачанный, умный, велеречивый, гениальный

и все такое прочее. Но у того и у другого есть естественные потребности, связанные с завершением цикла пищеварения. А разве о них кто-то думает? Никто.

Я, возможно, циник, но то, что есть, это никуда не выкинешь. Пожалуй, более точно по этому поводу выразились давным-давно наши братья-малороссы:

– Та хто там ссыть, як корова?

– Та я, мамо.

– Ну, писяй, писяй, донюшка.

Наконец к месту стрельбы прибыли околоточный надзиратель, считай, как полицейский подпрапорщик, участковый пристав, коллежский секретарь, мой старый знакомый помощник пристава губернский секретарь полиции Иванов-третий.

– Олег Васильевич, – сказал он, раскрывая руки для объятий, – да вы же как магнит притягиваете этих революционеров. Вы для них как медом намазанный.

Знал бы Иванов-третий, что у меня был год кандидатского стажа и я четыре года как полноправный член Коммунистической партии Советского Союза, вышедшей из союза за освобождение рабочего класса, свергнувшей царизм, победившей в гражданской войне, уничтожившей во время массовых репрессий миллионы граждан России и во время Великой войны, забросавшей трупами и залившей кровью всю Европу. Он не знает, что руководство коммунистической партии обещало к 1980 году построить общество Счастья, коммунизм, и что это все пошло прахом, потому что людям надоело верить в мечты старцев и им захотелось реальной жизни, не хуже, чем во всем мире. Вот этот магнит и притягивал ко мне всех социал-демократов.

– Поздравляю вас с медалью, – продолжал Иванов-третий. – Господа, разрешите вам представить моего спасителя и героя сегодняшнего дня. Туманов Олег Васильевич, почетный гражданин, поэт, ученый и будущий офицер нашей славной армии. Сегодня получил георгиевскую медаль «За храбрость». Пожелаем ему получить вторую медаль за сегодняшний подвиг.

Все полицейские чины также представились и пожали мне руку, поздравив с наградой. Околоточный надзиратель руководил отправкой задержанных, а офицеры и я на извозчике поехали в полицейское управление.

Марфа Никаноровна начала волноваться от того, что я привлекаю к себе агрессивных людей, представляющих опасность. Если не расправиться с мстителями, то эта месть превратится в испанскую вендетту и будет продолжаться веками.

Глава 21

В полицейском управлении меня допросили как потерпевшего. Пришедший полицмейстер посетовал, что я не хочу стать полицейским офицером, так как у меня бесспорно талант к полицейской работе.

Я понимал, что полицейская работа нужная и почетная. Но это в обществе, где честь, справедливость и законность в почете. А когда в обществе честь, совесть и законы направлены против народа, то и полиция становится антинародной и полностью враждебной народу, а это самый главный признак глубокого гниения власти и предвестник революции, первой жертвой которой станет именно полиция, терроризирующая народ. Начальство сразу открестится от нее.

– Это все они, – будут кричать они, – это они не любят народ.

А полицейские, зверствующие с безоружным народом, не понимают, что именно они будут отвечать за исполнение преступных приказов. И все полицейские, которые ходят вокруг в полицейском участке, это уже приговоренные то ли к смерти, то ли к каторге ГУЛага, приближающейся революцией. Они пока не знают, что будет через десять лет, а я знаю, и знаю, что все эти протоколы и медали отрезают мне путь в число строителей нового общества. Даже мое офицерское будущее будет являться основанием для расстрела. Вместе с офицерами и полицейскими первые революционеры будут расстреляны и похоронены в массовых могилах на расстрельных полигонах.

Часам к семи после полудня, предварительно почистив костюм в полицейском участке, я добрался домой. Марфа Никаноровна и Иннокентий Петрович с тревогой ожидали меня.

Марфа Никаноровна очень умная женщина и не бросилась ко мне на шею, соблюдая внешние приличия, хотя все и так догадывались о наших близких отношениях.

– Мы уже наслышаны, – сказал Иннокентий Петрович. – Убитого и раненого доставили к нам. С раненым ничего страшного, будет бегать, а второго наповал. Он даже испугаться не успел. Ничего не чувствуете?

– А что чувствовать? – спросил я. – Все произошло быстро и на расстоянии. Да и мне кажется, что морально я уже давно был готов к этому. А почему, не знаю.

Чего тут не знать, если все военные училища с первого дня готовят людей к тому, чтобы они могли убивать врагов, защищая свое Отечество, и я учил своих солдат убивать врагов. И тот, кто научит своих солдат убивать, тот будет успешным командиром и полководцем, который сумеет сдержать любого врага и одержать победу в любом сражении.

Вы не замечали, почему в одних боях фашисты триумфально шествовали, а в других боях застревали и не могли сдвинуться ни на шаг?

А все потому, что в первом случае солдаты стреляли не во врага, то есть в человека, а в белый свет как в копеечку. И враг знал, что в него не стреляют, и бесстрашно рвался вперед.

Во втором случае враг видел, что в него стреляют прицельно, что вокруг падают убитыми его товарищи, и он быстро падал на землю, окапывался при помощи своей лопатки, чтобы остаться в живых. Бывали случаи, когда отделение снайперов останавливало атаку полка или батальона превосходящего противника. И так во всех войнах. Третьего не бывает. Либо ты воин, либо ты не воин.

– Ладно, – сказал я, – как говорят у нас: нечего тянуть резину, по рублю и к магазину. Это так, шутка, водка уже стоит в погребе. Режем ветчину, огурчики, помидорчики, и я еще купил кусочек свежей осетрины, сейчас мы ее поджарим и

у нас получится отличный стол, чтобы обмыть георгиевскую медаль.

По части рыбы я специалист. Осетрину быстро помыл, нарезал тонкими пластинками и в раскаленное масло на сковородке, благо Марфа Никаноровна уже развела таганок. Тонкие кусочки рыбы жарятся очень быстро, чуть только рыба поменяет цвет. Осетрина из перламутровой должна превратиться в белую, и ее нужно сразу снимать.

Граненые стеклянные рюмки на ножках были емкостью сто граммов. Я налил полные рюмки, опустил в свою медаль и сказал:

– Ну, чтобы не последняя, – и залпом выпил водку. Закусил соленым огурцом и сел.

Иннокентий Петрович чуть подумал и повторил мой залп. Марфа Никаноровна чуть пригубила. И правильно. Женщина должна быть только слегка пьяной. Как это в одной современной песне поется? Не пей вина, Гертруда, пьянство не красит дам...

После водки все, что было на столе, пошло влет. В водке главное – это горечь, которая будит аппетит и активизирует вкусовые рецепторы.

Доктора мы проводили до проспекта, где он нанял извозчика и поехал домой. Мы с Марфой Никаноровной потихоньку пошли домой.

– Что-то я волнуюсь, – сказала Марфа Никаноровна. – Какой-то сумасшедший год, и он начался с твоим прибытием. До этого все шло так себе, а здесь все помчалось как на ледяных катушках.

– Это хорошо или плохо? – спросил я.

– Не знаю, – сказала Марфа Никаноровна. – Возможно, что это хорошо, но я боюсь, что ты, с какой скоростью прибыл сюда, с такой скоростью и унесешься в неведомую даль, и я тебя больше не увижу. Через несколько дней ты станешь с университетским образованием, потом станешь офицером, выслужишь себе личное дворянство, и для чего тебе будет нужна женщина-простолюдинка, да еще на десять лет старше тебя?

– Не накручивай себя. Наша встреча была predeterminedена свыше, и неужели мы будем противиться высшей воле? Как мы плыли в одной лодке, так и поплывем дальше.

– И в каком качестве поплыву я? – засмеялась Марфа Никаноровна. – Гребцом или кормщиком?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/severyuhin_oleg/vashe-blagorodie

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)